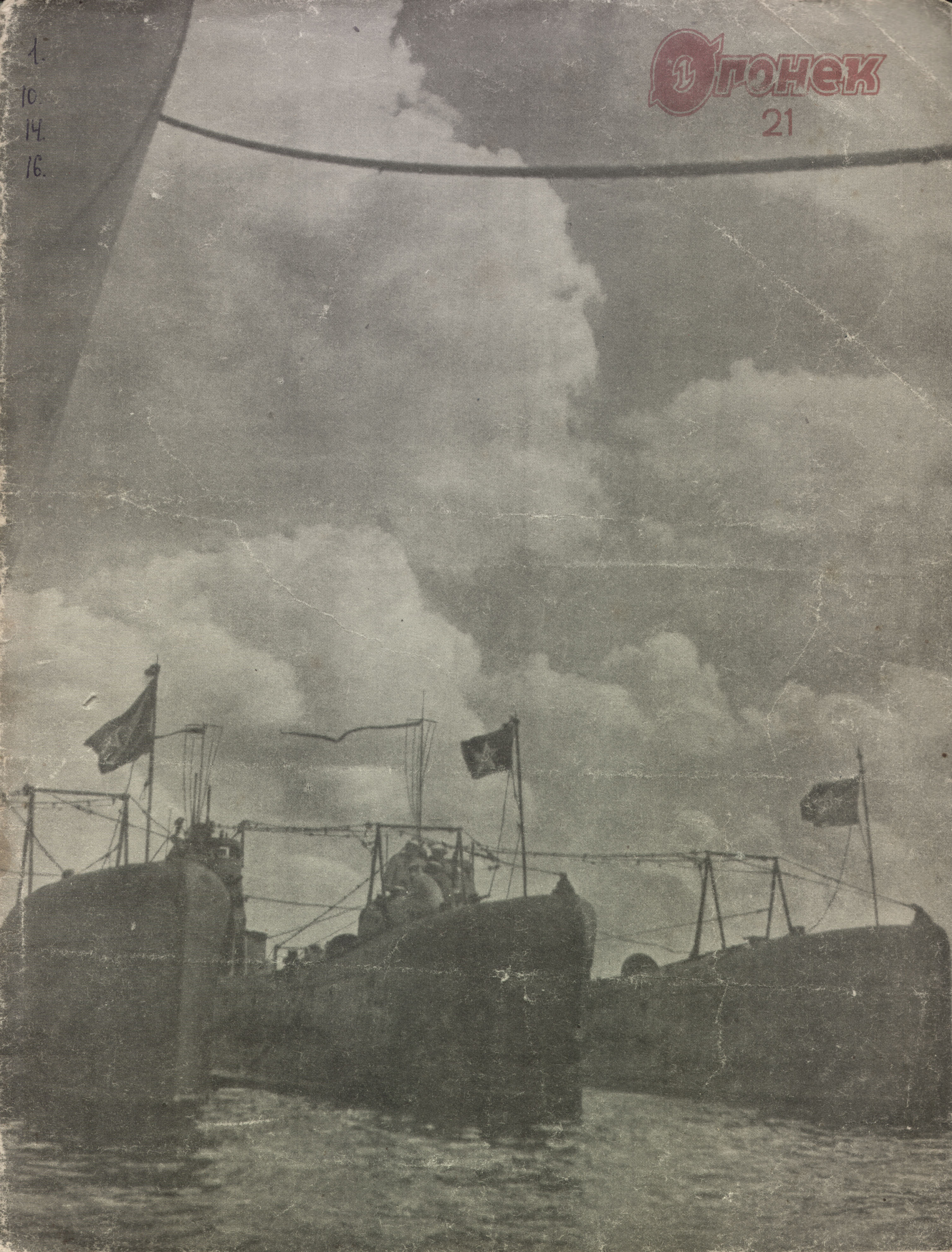

Огонек
21

Миллионы трудящихся Советского Союза вновь продемонстрировали перед всем миром беззаветную любовь и преданность своему правительству и своей родине. С большим подъемом прошла по всей стране подписка на Заем третьей пятилетки (выпуск третьего года).

На снимке: рабочие ткацкой фабрики комбината Трехгорной мануфактуры имени Дзержинского подписываются на заем.

Фото Б. Вдовенко

На обложке: Подводные лодки. Фотоэтюд Я. Халипа. На последней странице обложки: Пионеры на прогулке. Фото Мих. Грачева.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 21

(708)

вторник 30 июля

1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

СОВЕТСКИЕ АДМИРАЛЫ

Вверху: Народный комиссар Военно-Морского Флота СССР адмирал Николай Герасимович Кузнецов. ✓

Слева: Первый заместитель Народного комиссара Военно-Морского Флота СССР адмирал Иван Степанович Исаков.

Справа: Начальник Главного морского штаба адмирал Лев Михайлович Галлер.

В ОСВОБОЖДЕННОЙ БЕССАРАБИИ

На снимках: трудящиеся Кишинева приветствуют части Красной Армии вступающие в город.

Фото Б. Фишмана

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДЕНЬ

На снимках: части Красной Армии, приветствуемые населением, проходят по улицам Кишинева.

Фото Б. Фишмана

И. Ермашев

ПОМНИ О ВОЙНЕ!

Первого августа исполняется двадцать шесть лет со дня начала **первой** мировой империалистической войны.

Мы отмечаем эту памятную для всего человечества дату в обстановке **второй** мировой империалистической войны. Хотя в этой войне участвует меньше стран чем 26 лет назад, она, тем не менее, уже охватила Европу, Африку, Азию и может в любой момент переброситься в Америку. Пятая часть света — Австралия — не находится непосредственно в зоне огня, но она, все равно, является участником войны.

Вторая мировая империалистическая война продолжается десять месяцев. Первая мировая империалистическая война длилась четыре года. Но опустошения, уже причиненные за эти десять месяцев, а точнее — за сорок шесть дней активных военных операций в Голландии, Бельгии и во Франции, во многих случаях не меньше, а больше чем те, которые остались после четырех лет ожесточенной борьбы — 1914—1918.

Двадцать миллионов беженцев насчитывается в одной только Франции! Половина всего населения страны изгнана войной из жилищ, родных городов и деревень, разорена дотла, доведена до положения нищих и брошена обанкротившимися руководителями французской республики на произвол судьбы. Бедствия народных масс уже достигли неслыханных размеров.

А сколько убито и ранено в этой войне, искалечено на всю жизнь? Сколько пропало без вести? Нет еще никаких точных данных, да и не скоро они будут опубликованы капиталистическими правителями. Но несомненно, что жертвы этой новой империалистической бойни исчисляются миллионами. Поля Норвегии, Голландии, Бельгии и Северной Франции, Восточной и Северной Африки покрыты могилами сплошь и рядом безвестных жертв, принесенных буржуазией на алтарь своих прибылей.

Но и те, кто остался в «тылу» — насколько вообще можно говорить о тыле в современной войне,— обречены на роль рабов. Миллионы рабочих, служащих, мелких крестьян — все трудящиеся лишены каких бы то ни было прав, в том числе самых элементарных, как например воскресного отдыха. Во всех воюющих странах рабочие принуждены работать из месяца в месяц, без отдыха, без отпуска до полного физического истощения, при непрерывно падающей заработной плате. Военная каторга — вот тот режим, который господствует сейчас в воюющих странах.

Адъютанты капиталистов, господа Блюмы и Эттли называют этот режим «демократией». Какая наглая ложь, какое бесстыдство! Пока рабочие надрывают свои силы на фабриках и заводах, господа капиталисты, уже успевшие нажить огромные капиталы на войне, каждый день констатируют дальнейшее повышение прибылей. Растут горы трупов в Европе. Растут цены на танки и пушки, броненосцы и отравляющие вещества. Непрерывно растет, поднимается на всех мировых биржах цена акций военных концернов... Знакомая картина!

Война учит простым, но суровым языком:

во-первых, не может быть прочного мира при империализме;

во-вторых, горе слабым;

в-третьих, страна социализма сильна. Она должна быть еще сильней!

● ● ●

Вот несколько фактов, которые должен запомнить каждый советский патриот, ибо благо родины, ее спокойствие, ее безопасность есть высший закон:

война в Польше продолжалась всего двадцать один день;

война в Голландии продолжалась пять дней;

война в Бельгии длилась двадцать дней;

война во Франции закончилась через двадцать пять дней после начала активных военных операций на французской территории.

Если Голландия и Бельгия — страны маленькие и в военном отношении слабые — и не характерны в качестве примера, то судьба Франции показывает нам, **к каким роковым последствиям приводит слабость государственной обороны, не отвечающей современным требованиям.** Франция пала в результате именно слабости ее государственной обороны. Она не была готова к борьбе, а между тем ее правители провоцировали войну вместе с определенными джентльменами из лондонского Сити в надежде, что кто-то другой будет воевать за них.

Опыт этой войны показывает, что государственная оборона — дело очень сложное, требующее огромного напряжения всех сил страны.

Во всех капиталистических государствах, не говоря уже о воюющих странах, свистопляска вооружений превосходит все, что было известно до сих пор. Для того чтобы на полях сражений могли одновременно принимать участие в боях до пяти тысяч танков и трех — четырех тысяч самолетов — только на одной стороне! — необходимы крупные материальные резервы, непрерывно пополняемые в громадных размерах. Сейчас эта мысль прочно усвоена во всех капиталистических государствах, и каждый день приносит все новые и новые вести о непрерывном возрастании темпа производства предметов вооружения. Примером может служить программа вооружений, принятая в США. Программа эта в течение только 1940 года поглощает потрясающую сумму: 5—6 миллиардов долларов! Чтобы понять, до каких размеров правительство США намерено развить производство предметов вооружения, достаточно вспомнить, что американская авиостроительная промышленность должна в течение ближайших лет довести производство самолетов до пятидесяти тысяч машин в год!

Война предъявляет спрос как раз на самое современное, новое и передовое, что только в состоянии дать наука и промышленность. Но все, что сегодня еще было самым современным и новым, завтра становится старым. Да и расход материальных средств в нынешней войне исключительно велик. Судя по данным, опубликованным германским, французским и английским командованием, за первый месяц крупных операций в Западной Европе было потеряно несколько тысяч танков и не менее 2—3 тысяч самолетов. Все это требует замены. Нужны громадные запасы, которые, однако, быстро истощаются и нуждаются в столь же быстром возобновлении. В огромных размерах поэтому развивается военная промышленность.

Капиталистическое окружение вооружено сейчас во много раз лучше чем даже год назад. Никто из нас, граждан Советской страны, не имеет права забывать об этом ни на мгновение.

Советский Союз силен. Он должен быть еще сильней.

● ● ●

Вооруженные силы страны социализма, выкованные партией Ленина—Сталина в огне победоносной борьбы с бесчисленными врагами, находятся на уровне задач, предъявляемых к ним государственной обороной Советского Союза. Они непрерывно совершенствуют свои боевые качества. Страна щедрой рукой дает своей армии и своему флоту все, что им необходимо.

Двадцать восьмого июля — День Военно-Морского Флота. Стало прекрасной традицией в нашей стране отмечать этот день всенародно. Советские патриоты горды своей родиной — великой морской державой. Они любят свой флот.

Морские границы СССР — это сорок тысяч километров побережья. Два океана и десять морей омывают берега советской земли. Море — изведанный путь для друзей. Народам нашей страны море издавна служило средством дружественных сношений с другими народами. Но море — также путь и для врага. История нашей родины знает немало примеров, когда враг приходил «из-за моря». Военно-Морской Флот СССР бдительно стережет морские подступы социалистического отечества. Этот флот быстро растет по воле большевистской партии и народа. Он превращается в большой морской и океанский флот, достойный великой советской державы.

За последние несколько лет эскадры Военно-Морского Флота СССР пополнились новыми могучими боевыми кораблями — надводными, подводными и воздушными. Но самое ценное сокровище наших морей—это люди, командиры и краснофлотцы, знающие свое дело, умеющие взять от боевой техники все, что она может дать. Эти люди эпохи великого Сталина с честью сражались за Родину на Финском заливе и на далеком Амуре. Эти люди зорко несут вахту на Севере, на Юге, на Западе и Востоке. Они ведут боевые корабли на просторы Балтики, Черного моря, северных вод и Тихого океана.

Море предъявляет очень высокие требования к командирам и краснофлотцам; каждый из них должен олицетворять смелость, отвагу, бесстрашие. Но этими качествами как раз и гордится наш народ. День флота — это день смелых и бесстрашных, день демонстрации морской мощи СССР.

Военно-Морской Флот СССР силен. Он будет еще сильней!

Семен Кирсанов
Последний выстрел

Иллюстрации худ. Н. Малолеткова

Есть упоение в бою...
А. С. ПУШКИН

Война,
безумья твоего
я никогда стихом не славил,
и вой сирены ПВО
в разряды музыки не ставил.
Меня не восхищал ни визг,
ни блеск трассирующей пули:
нет красоты в смертельном гуле
снарядов, падающих вниз!
Но я б хотел
в кромешной мгле
услышать прозвучавший сиро
в начале тишины и мира
последний выстрел на земле.
Последний,
может, будет он
не пулей снайперскою зоркой,
а лишь ошибкой, оговоркой
уже не бьющихся сторон.

Не жесткая рука солдата,
дитя, забывшее «не тронь!»,
найдет оставленный патрон
на ржавом ложе автомата.
Он много лет лежал в стволе
и, грянув, никого не ранит...

А может,
никогда не грянет
последний выстрел на земле?
Последней будет
не она!
Не пуля галла в грудь
германца,
не там окончится война,
где злобы корчится гримаса!
Последним будет
и не он,
не выстрел Ганса в сердце
Жана,
и все равно, чей дом сожжен,
давно бездомным парижанам!
Кто спал на голой, на земле,
без права жить, творить и
править,
тот смутно знал,
в кого направить
последний выстрел на земле.
Нет упоения в бою,
когда в душе:

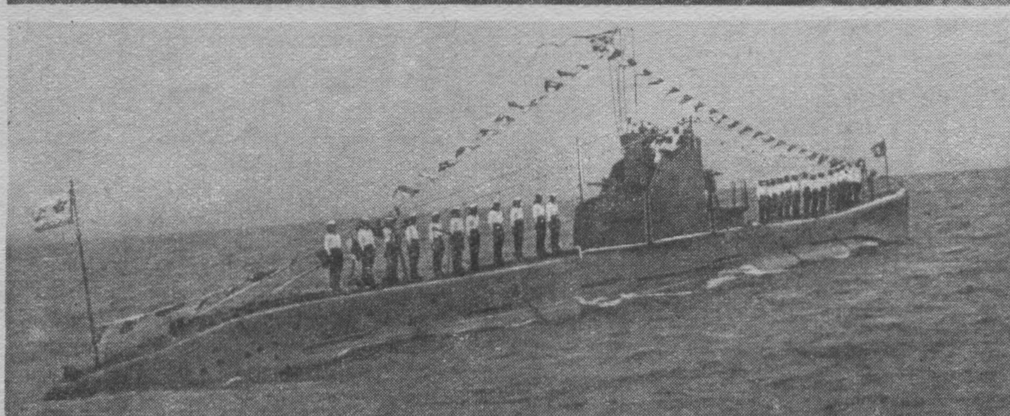
«За что воюю?
За нищету?
За смерть свою?
За них?
За выгоду чужую?
За золотой запас?
За лордов?
За морские базы?
Двести семейств?

Что, из-за вас
пасть к смертным пастбищам
Уазы?»

Но он идет. К нему во мгле
из жерл смертей летит комета,
и кажется ему:
вот это
последний выстрел на земле!
Но счеты есть еще другие!
Солдат, ты их еще не свел!
Краснеет дым металлургии
и шомпол прочищает ствол.
И как бы ни был ненавистен
мне звук убийства,

я встаю
и в грудь врага вбиваю
выстрел,—
есть упоение в бою!
Рабочий друг у дальней Роны
багровый флаг зашил в груди...
Товарищ,
береги патроны:
последний выстрел впереди.
Как нужен мне спокойный
воздух,
и небо я хочу любить
не в страшных пятнах
бомбовозов,
а в голубых ладонях птиц!
Я не хочу, чтоб этим небом
неслось Кибальчича дитя,
по золотым головкам хлеба
огнем и газами метя!
Так пусть
в последней рукопашной
в тот день придется биться мне,
и в сердце
мне принять не страшно
последний выстрел
На войне!

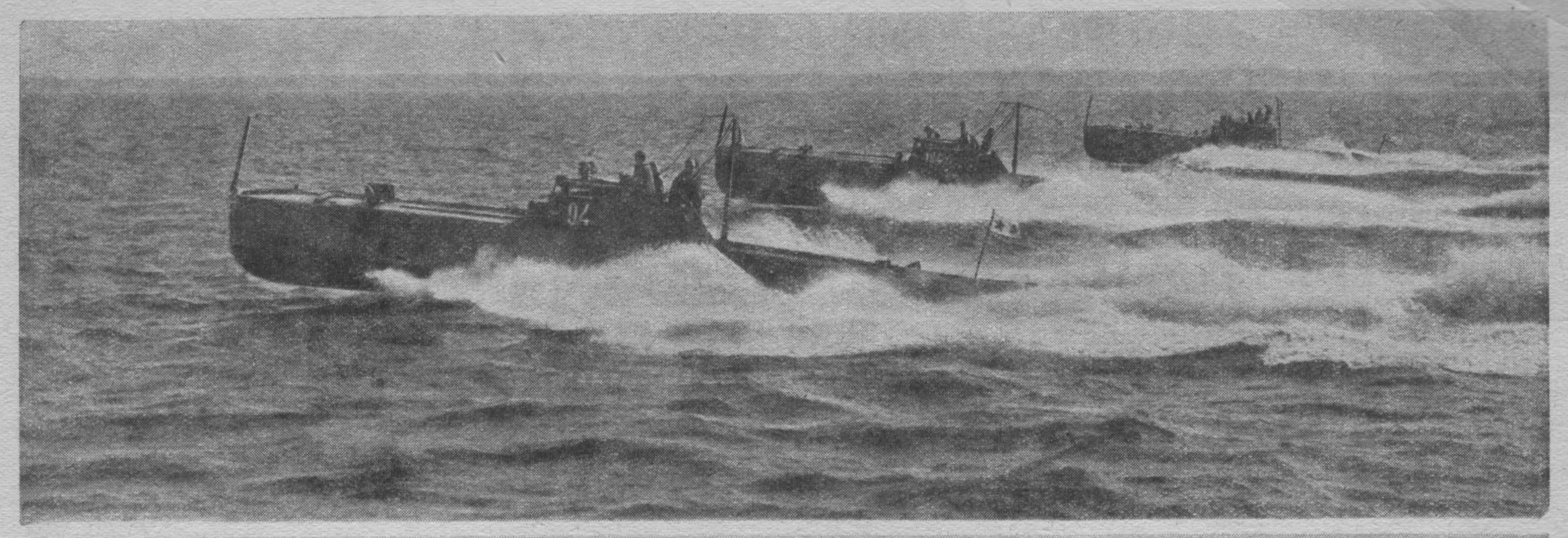
СТРАЖИ МОРЕЙ И ОКЕАНОВ

Фото Б. Фишмана, Я. Халипа и И. Шагина

Еще несколько мгновений — и уйдет за дальний горизонт летнее, горячее солнце. Длинными причудливыми тенями кораблей расчерчена спокойная гладь рейда. В этой предвечерней тишине, точно так же как и ночью, утром и днем—в любое время суток и года—зоркие глаза вахтенных высматривают морские дали, следят за «семафорами» флагмана. И только прозвучит сигнал боевой тревоги, корабли — от гигантов-линкоров до подводных лодок — поднимут якоря и двинутся в поход под гордым морским флагом Советской страны.

Несколько месяцев назад, во время боев за безопасность северозападной границы СССР и Ленинграда, командиры и краснофлотцы краснознаменного Балтийского флота вписали новую славную страницу в золотую книгу подвигов и геройства, совершенных во славу родины людьми сталинской эпохи. Краснознаменная Балтика воспитала таких самоотверженных бойцов, как краснофлотец А. Р. Посконкин (см. о нем очерк на стр. 8), А. В. Трипольский, командир подводной лодки «С-1» (первый на снимке слева), и снятые рядом с ним Ф. Г. Вершинин, командир подводной лодки «Щ-311», А. И. Крохалев, боевой летчик морской авиации. Страна присвоила каждому из них высокое и почетное звание Героя Советского Союза.

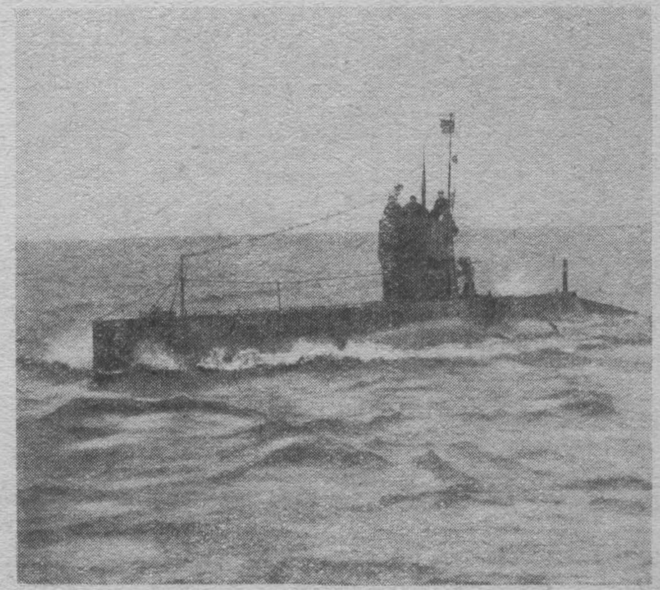
Геройские дела красных балтийцев являются достоянием всех флотов и флотилий Военно-Морского Флота СССР, бдительно охраняющего на морях и океанах границы социалистического отечества. На этих делах учатся молодые командиры и краснофлотцы. Боевой опыт применяется и усваивается сейчас, в напряженные дни летней боевой учебы.

...Вот стремительно идут в атаку торпедные катера. Посмотрите на снимок вверху страницы: сколько задора и смелости у водителей этих маленьких, но грозных кораблей! Они лихо пройдут, быть может, мимо величественного и столь же устремленного вперед красавца-крейсера «Киров» (снимок в центре).

Не застанет красных моряков врасплох и химическое нападение врага: упорно и методически на кораблях «отрабатываются» химические тревоги. На нашем снимке (внизу слева) показан момент такой тревоги на линкоре «Парижская коммуна» (Черноморский флот). Боевая учеба идет с утра до вечера, и где-то вдали, среди безбрежных морских просторов, вынырнула на поверхность подводная лодка «малютка», несущая службу дозора.

Л. Ивич

СЫН БАЛТИКИ

Мороз! Трескучий мороз, захватывающий дыхание. На ресницах, на меховой шапке-ушанке, на воротнике добротного дубленого полушубка оседает белый иней. Чуть слышно поскрипывает под лыжами снег.

По льду залива осторожно движется группа разведчиков.

Двое: командир отделения с линкора «Октябрьская революция» Морозов и краснофлотец Посконкин, — отделившись от группы, ушли вперед. Обогнув мыс, они выбрались в тыл противника. Отсюда было удобно рассмотреть расположение врага, заметить места огневых точек, разглядеть спускающуюся к берегу, утыканную надолбами дорогу. Выполнив приказ командира отряда, разведчики собрались в обратный путь.

— Хорошо, — удовлетворенно произнес Посконкин.

— Чего хорошо? — отозвался Морозов.

Но Посконкин не ответил. Он вообще не особенно любил много разговаривать, этот молодой, двадцатидвухлетний краснофлотец, всего полгода тому назад пришедший служить на батарею. Товарищи уже давно заметили его неразговорчивость и даже некоторую застенчивость, столь необычную в рядах веселых и шумливых батарейцев. Кто-то в шутку назвал Посконкина «тихоней», и это шутливое прозвище так и осталось за ним.

Посконкин нисколько не был огорчен или обижен этим. Что же тут такого? Он человек тихий, на батарее недавно, многого еще не знает. Артиллерия же — дело сложное и мудреное, учись да учись. Поневоле тихим станешь. И он, спокойный и молчаливый, упорно постигал сложную науку наводки, тщательно изучал казенную часть многодюймовых грозных орудий, внимательно вслушивался в слова командиров на занятиях.

Когда был сформирован отряд балтийцев-лыжников, Посконкин — хороший лыжник и меткий стрелок — вместе со своими товарищами по батарее попал в отряд майора Лосякова. Вскоре о лыжниках заговорили по всей Балтике. Смелые атаки, молниеносные восьмидесятикилометровые переходы, жаркие схватки принесли славу отряду Лосякова. Уже после первых боев их назвали «Отрядом отважных лыжников», и это название моряки сохранили до конца боев с белофиннами...

Морозов и Посконкин собирались в обратный путь. Они еще раз, чтобы лучше запомнить все, взглянули туда, где засел враг, и уже готовы были повернуть обратно, как широкий голубоватый луч света, прорезав темноту, лег на гладкую ледяную поверхность залива. Прожектор, ярко осветив лед, пошарил немного и протянулся наискось через всю бухту. Единственный возможный обратный путь разведчикам был отрезан. Пройти незамеченными через освещенную полосу нельзя: под лучом прожектора ярко искрился снег.

Герой Советского Союза краснофлотец Александр Романович Посконкин.

Фото Я. Халипа

Не прошло и трех секунд, как враг открыл бешеный перекрестный огонь из пулеметов и автоматов. Разведчики залегли, стараясь прижаться как можно плотнее к снегу. Огонь не прекращался. Яростно трещали пулеметы, сухо татакали автоматы, а в нескольких метрах слева тянулась яркая голубоватая полоса света, которую невозможно обойти.

Минуты тянулись невероятно долго. Казалось, враг уже много часов ведет этот огонь. Лежать было холодно и неудобно. Свирепая поземка крутилась по земле, била в лицо, засыпая глаза, рот и нос колючим снегом.

Посконкин осторожно повернул голову в сторону командира отделения.

— Я туда... — скосив глаза направо, шепнул он и, встретив утвердительный кивок Морозова, медленно и осторожно пополз в сторону, к небольшому торосу. Здесь было лучше. Не так донимала поземка, можно было устроиться поудобнее и даже наблюдать за темнеющим вдали берегом.

И вдруг Посконкин заметил вышедшую из леса группу врагов. Он торопливо пересчитал их. Двенадцать! Они шли прямо на него. Враги подходили все ближе и ближе. Уже слышны отдельные слова, уже видно, как передний, должно быть, офицер, размахивает пистолетом, что-то объясняя или приказывая. Враги разделились, пятеро повернули и пошли в сторону, а семеро направились прямо к торосу, за которым лежал Посконкин.

Он весь сжался, притаившись за снегом. Расстояние между ним и врагами сокращалось все больше и больше. Мучительно хотелось выстрелить, метнуть гранату, отогнать их, но Посконкин знал, вернее, даже не знал, а чувствовал, что стрелять можно только наверняка, что метать гранаты надо безошибочно точно, иначе конец. И он ждал.

Белофинны двигались тесной группой. Вот уже до них осталось пятьдесят шагов. Сорок... Тридцать...

Столб огня с грохотом взвился почти у самых ног вражеской группы. Это Посконкин метнул гранату. Через секунду последовал новый взрыв, слившийся с выстрелами винтовки смелого разведчика. Два белофинна грузно рухнули в снег. Третий, припадая на правую ногу, с криком кинулся в сторону. Оставшиеся в живых враги открыли огонь. Пули со свистом пронеслись над головой лежавшего за снежным бугром Посконкина. Еще залп. Посконкин не отвечал. Решив, что разведчик, находившийся за торосом, убит, белофинны осторожно двинулись вперед. Вот уже один прошел мимо. Посконкин его не тронул. За первым смело двинулся второй. Но, когда он поровнялся с торосом, на него смело бросился отважный краснофлотец и пронзил штыком. Посконкин повалил врага и дернул винтовку на себя. Штык, наскоро примкнутый окоченевшими на морозе руками, соскочил с винтовки и остался в теле белофинна. Вытащив и держа его как кинжал, Посконкин бросился на помощь Морозову, который ожесточенно боролся с наседавшими на него белофиннами. Офицер, повалив Морозова, поднял уже пистолет, чтобы в упор застрелить его, но в это время на него обрушился Посконкин. Морозов был спасен. Оставшиеся в живых враги бежали.

Сражаясь вдвоем против семерых, ни Морозов, ни Посконкин в горячке боя не заметили, когда погас луч прожектора. Лишь позже они узнали, как было дело. Начальник штаба отряда лейтенант Виталий Чепрасов заметил луч света в том направлении, куда пошли разведчики. И, пока они дрались, лейтенант метким огнем из гранатометов заставил белофиннов потушить прожектор.

Надо было двигаться к своим. И тут выяснилось, что Морозов идти не может: раненый в обе ноги, он был не в состоянии стать на лыжи. Посконкин поднял своего командира, взвалил на себя и, захватив винтовки и лыжи, пошел назад. Под огнем врага, перебираясь от тороса к торосу, прячась за каждым бугорком, краснофлотец благополучно прибыл к своим. Но здесь он узнал, что на льду остался еще один раненый боец. Ни минуты не раздумывая, «тихоня» пошел вторично на лед, чтобы оказать помощь товарищу.

Посконкин явился к командиру отряда майору Лосякову и шопотом начал докладывать обо всем, что увидели и сделали разведчики.

— В чем дело? — удивился командир. — Говорите громче.

— Не могу, товарищ командир, — смущенно отворачивая обмороженное лицо, ответил краснофлотец, — я голос там на льду оставил... Промерз...

И, услыхав участливое замечание командира, спокойно прошептал:

— Это ничего, товарищ майор. Голос вернется. Да ведь я вообще много говорить не люблю.

Отгремели бои. Прошла на Балтике короткая весна. Лыжники разошлись по своим частям и кораблям. Вернулся в батарею Героем Советского Союза краснофлотец Александр Романович Посконкин. Попрежнему тихий и скромный, он снова упорно учится...

Джеймс Хэнли

Схватка с морем

РАССКАЗ

Пароход сильно накренился последний раз, нос, подброшенный массивной водяной стеной, казалось, хотел взлететь на воздух. Медленно пароход пошел ко дну. Тогда в бушующие волны прыгнул человек. Он был молод, мал ростом и худ. Его волосы были меднокрасного цвета, а темносерые глаза прятались под густыми бровями. Его звали Гариетт. У него был маленький вздернутый нос и весело улыбающийся рот. За минуту до этого он стоял у поручней парохода, неподвижный и твердый, как камень. Кругом суетились матросы, спускали в воду шлюпки, но, едва шлюпки касались воды, гневное море превращало их в щепы. Промедление грозило бы смертью, а он, Гариетт, хотел жить. Поэтому он бросился в море.

Погружаясь, Гариетт не увидел, а, скорее, каким-то внутренним чутьем угадал впереди скалу, спасительную скалу, выступавшую из воды. Она была далеко и вместе с тем близко. Он всплыл на поверхность. Его оглушили крики матросов и грозный рев бушующих волн, которые с яростью набрасывались на полуразрушенный уже пароход. На Гариетта неслись куски разбитых шлюпок, он слепо хватался за них, они вырывались, уплывали. Уже темнело, но он еще видел скалу. Она стояла впереди, словно мощный маяк, словно огромная манившая к себе рука. Когда она была перед глазами, Гариетт ощущал нервную дрожь, словно электрический ток проходил по телу. Он снова поплыл. Волны подбрасывали его и швыряли, оглушали ревом. Тьма густела, но он не спускал глаз со скалы. Он ничего не видел, кроме нее, но инстинктивно знал: там был берег, земля, надо только доплыть—там была жизнь. Но в поединок с ним вступила другая живая сила — море. Гариетт наносил ему удары своими тонкими, худыми руками. Он чувствовал глухой стук сердца. Он закрывал глаза, снова открывал—скала все еще была впереди.

Потом он уже ничего не слышал, даже биения своего сердца и бешеного рева вздымающихся, как стена, живых волн. Он только видел. И ощутил внезапный прилив сил, внезапную остроту зрения. Он видел скалу словно сквозь увеличительные стекла своего отчаяния. Далеко ли была скала? Близко ли? Нет, не надо думать, надо только смотреть на скалу, чтобы ее вид придавал ему мужество и решимость. Надо только плыть вперед. Гариетт вдруг исчез под огромной волной. С минуту его не было видно, потом он всплыл опять. Перевернулся на спину и поплыл. Чувствовал, что грудь разрывается, что долго не выдержит. Где же другие? Где пароход, который несколько часов назад был его домом? Бесполезные вопросы. Гариетт перевернулся и снова стал наносить удары морю. Его тонкие руки мелькали в воздухе, словно подавая сигналы скале. Но волна заревела над головой, подхватила, увлекла в своем бешеном прыжке, далеко отшвырнула.

Каждый раз, когда волна подхватывала его, Гариетт закрывал глаза и наклонял голову. Если бы он держал ее прямо, волна неминуемо свернула бы ему шею.

Стало еще темнее. Надо приковать взгляд к скале. Надо собрать все силы, собрать всю энергию, все мужество, всю жажду жизни. Он должен доплыть до скалы. Море содрало с него одежду, изранило его, но не уничтожило дикой решимости, таящейся глубоко в его сердце. Вдруг ему показалось, что он уже у самой скалы. Да, она становилась все ближе, ближе. Странное ощущение овладело им, внезапно кровь бросилась в голову, подступила к горлу... Где же другие? Других не было. Он был один.

Он был один. Он был во власти этого равнодушного, бессмертного, живого моря. И он ставил свою жалкую, маленькую жизнь против стихии, мощь которой таилась в бездонных глубинах. Он начал кричать: «Скала! Скала!»— и, выбившись из сил, поплыл дальше. На него надвинулась водяная стена и поглотила его. В эту отчаянную минуту он снова услышал звуки моря — этого могучего чудовища-моря, — они сливались в глухой рев, то был грозный голос, который приказывал ему молчать. Море требовало его жизни, жизни моряка Томаса Гариетта. Живые волны вздымались, обрушивались вниз, бешено крутились, рвались, подхватывали, терзали, играли им, как обломком.

Скала! Она все еще была впереди, и на ней виднелся свет. Да, свет, свет, который лился навстречу, чтобы ему помочь. Он весь стремился к свету, грудь поднималась, ему хотелось закричать: «Я здесь! Я жив! Жив!» Его окликали, но он не слышал. Его покрыла волна, затопила. Гариетт исчез под водой... Нет! Он слишком рано обрадовался. Он забыл про эту властную стихию — живое море. Ему казалось, что уши его распухли до чудовищных размеров. Он снова всплыл, чуть не плача от боли. Он уже не видел скалы. А свет? Куда девался свет? Неужели только почудился? Неужели он спал, убаюканный бурным морем? «Но я жив!— закричал он. — Я жив!»

Проплыл ли он сто ярдов или четверть мили? Трудно сказать. Представления о времени и расстоянии терялись в хаосе волн. Но он должен выдержать, должен плыть дальше, бороться. Он доплывет до скалы, достигнет берега! Волны подбрасывали его, как пробку, и с бурным ликованьем старались смыть остатки его сил, сорвать броню его решимости и вызова. «Но я доплыву!— говорил он задыхаясь. — Я доплыву!» Быстро или медленно он плыл? Кажется или на самом деле рев стихает, море успокаивается? Внезапно волны подбросили его вверх, как мячик; падая, он с шумным плеском ударился о воду и исчез. Море швырнуло ему ультиматум. Он снова начал кричать, стараясь покрыть рев своим голосом, — жалкая попытка преодолеть слепую ярость стихии, с которой он бился, бился за каждую секунду, за каждый дюйм. Он швырнет морю в лицо его ультиматум. Он поплывет дальше или умрет.

Были минуты, когда чувство дикого отчаяния глубоко проникало в его душу. Но он не сдавался. Он никогда не сдавался. Он не сдастся и сейчас.

Гариетт немного отдохнул, отдышался, потом принудил себя к новой попытке и поплыл дальше. Какое счастье! Он снова видит скалу, снова видит на ней свет. На берегу кто-то стоит. Кто-то его заметил! Опять ожила надежда, и в глубине души опять проснулась дикая, страстная, неистовая жажда жизни. Он теперь быстро плыл, полный спокойной решимости. «Скала близко! — закричал он. — Стоит только протянуть руку, и я дотронусь до нее! До скалы!»

Свет на берегу заколебался, что-то просвистело над головой, что-то извивающееся, как змея, прорезало воздух. Была ли то веревка? Он не знал. Но он знал, что помощь близка. Его лицо преобразилось при одной мысли снова ступить на твердую, упругую землю. «Бедняки! — думал он о товарищах. — Что с ними? Спаслись они или погибли?» Он знал, что пароход пошел ко дну, видел, как он погружался. «Все-таки,—думал он, охваченный чувством то смертельного страха, то слабой надежды, — может быть, они все-таки спаслись». Он поплыл опять. Море еще не совсем обессилило его. Сейчас он чувствовал себя таким же свежим, как тогда, когда прыгнул в море. Он уверял себя в этом, и манящий к себе свет усиливал его уверенность. Сквозь шум моря, громкий и ясный, как звук колокола, прозвучал голос: «Видишь веревку? Смотри! Вот она!»

У воды стояла кучка моряков, некоторые держали над головой яркие фонари... Доплывет он или нет? Они ничем не могли ему помочь. Могли только кричать, ободрять его своим присутствием. Каким-то таинственным способом они сумели сообщить ему о своем сочувствии, о своей солидарности с ним, хотя он был один, беспомощен, отделен от них предательскими волнами. Их крики неслись к нему через волны. Гариетт слышал их, но не мог ответить. Не мог открыть рта. Язык, казалось, распух и прилип к гортани. Он мог делать только одно—плыть дальше. Скала приближалась. Она вся блестела. Волны отражали огни раскачиваемых взад и вперед фонарей, казалось, от скалы к нему тянется множество рук и притягивает к себе все ближе и ближе.

Осталось не больше 30 ярдов. 30 ярдов! А может, и меньше... Вдруг снова поднялся ветер, волны запенились, на него летели брызги, резали лицо, как ножом. Уф! Он чуть не задохнулся. Теперь он видел веревку, видел, но не мог поймать, он выбился из сил, не мог даже протянуть руку, чтобы схватить ее. И она исчезла, ее унесло далеко в море, которое внезапно пришло в бешенство, словно оно почуяло, как близок он к спасению, как далек от опасных для жизни глубин.

Один из моряков вошел в воду и поплыл к измученному пловцу. Волны отбросили его назад, словно он был обломком спички.

Но Гариетт все еще боролся. Теперь он слышал ободряющие крики, никогда в жизни не слышал он подобной музыки... Подняв голову, чтобы ослабить невыносимую боль в шее, он увидел, что к нему кто-то плывет и что они совсем близко друг от друга. Фонари на берегу быстро раскачивались, люди кричали, подбодряли. Потом огромная волна разделила их. Гариетт исчез. Волны заревели, запенились с новой яростью. Опять послышались крики с берега. Моряки бросились к воде, втащили своего товарища на песок. Он был без сознания. А Гариетт — маленькая мелькавшая вдали точка—исчез...

Моряки склонили головы. Произошло неизбежное. Человек боролся храбро и погиб в бою. Двое моряков оттащили своего товарища дальше от воды. Вдруг мощный крик потряс воздух. Случилось чудо. Среди волн снова показался человек. Люди на берегу тихо переговаривались: «Он еще жив! Да, все еще жив, подумать только!» Еще один моряк бросился в водоворот и был отброшен. Они теперь видели пловца совсем ясно. Вон он. Он плывет? Да, плывет... Он кажется белым пятном, чем-то вроде искрящейся в темноте светлой точки. Моряки принесли большую доску и бросили ее пловцу. Дважды он хватался за нее, и каждый раз доска вырывалась из рук. Опять она подплыла близко, его цепенеющие пальцы коснулись ее, схватили, старались удержать. Напрасно! Доску унесло... Гариетт пытался закричать, но с его губ слетело лишь несколько нечленораздельных звуков. Вдруг весь мир словно исчез в огромном белом облаке, Гариетт чувствовал только, что живое море держит его пленником в своей власти. И еще он чувствовал: чьи-то человеческие руки касаются его израненного тела; кто-то несет его. Волны перекатываются над головой, он захлебывается. Глаза болят, руки немеют, ноги тяжелы, как свинец. Да, кто-то несет его по волнам. Он вытянул вперед руки без цели, ничего не видя перед собой. Нет, никого не было! Только воздух и вода. Водяная пустыня, темнота! Потом громкие крики в ушах, голоса.

Что-то теплое коснулось его, то была человеческая теплота: множество рук втащило его на берег. Он доплыл! Он добрался до берега! Живые волны исчезли из виду, из памяти. Он чувствовал под собой мягкий песок. Люди столпились вокруг, кричали. Страшная усталость сковала его члены, боль пронизала тело. Он закрыл глаза. Один моряк взял Гариетта за голову, другой— за ноги. И понесли.

— Проплыл почти три мили! — сказал один из них с благоговением. — В такую бурю!

— Да, просто невероятно, — отвечал другой, — невероятно, клянусь честью!

Они замолкли в восхищении.

— Молодчина! Вот молодчина!— повторяли моряки.

Огни фонарей один за другим исчезали вдали, и моряки со своей ношей скрылись в темноте...

Перевод с английского
Н. СНЕСАРЕВОЙ

Б. Светланов

ВОСКРЕСЕНЬЕ В АНГЛИИ

Воскресенье в Англии—самый скучный и пустой день недели.

Еще накануне, с вечера, молодежь отправляется с рюкзаками за плечами бродить по вересковым полям, по холмам и паркам старой Англии. Почтенные буржуа сидят по домам, слушают радиопроповеди или беседуют на душеспасительные темы. Несколько тысяч «высших» фамилий отдыхает в своих имениях. Несколько десятков аристократов вылетает развлечься на денек в Париж. Пуританская Англия запрещает веселиться в воскресный день; даже кино в этот день открыты не во всех городах. Поневоле приходится обращаться к услугам «прекрасной Франции». Не все же обитатели британских островов обречены, подобно жителям Ист-Энда, проводить свой день отдыха у порога грязных конур...

Итак, сегодня—одно из июльских воскресений в Англии, но... воскресная картинка, набросанная нами, безнадежно устарела.

Молодежь не бродит больше по романтическим холмам и долинам. Тысячи юношей покоятся в земле Фландрии или в водах канала Ла Манш. Тысячи томятся в песках африканских пустынь. Тысячи обречены на смерть в войсках метрополии.

Почтенные буржуа сидят в противовоздушных убежищах и внимают не тихой проповеди, а очередным сигналам воздушной тревоги.

Несколько тысяч «высших» фамилий старается сохранить традиции и выезжает в свои загородные виллы-убежища, но, увы, вылететь в Париж можно разве только на бомбардировщике.

И даже люди рабочих окраин изменили своему воскресному обычаю. Они не сидят у порога своих трущоб. Пролетарии в этот день стоят, как и в будни, у станков. Ибо для рабочих в Англии воскресный отдых теперь отменен.

●

После первой империалистической войны в течение ряда лет английская буржуазия мало заботилась о рабочей силе для своих предприятий. Армия безработных, доходившая в некоторые годы до двух миллионов, поставляла сколько угодно рабочих рук. Но предприниматели предпочитали брать еще не износившуюся молодежь и выбрасывать людей, достигших зрелого возраста. «Трагедия сорокалетних» занимала умы досужих статистиков, но не очень беспокоила государственных мужей Британии. Их также не беспокоило и то, что сотни тысяч квалифицированных рабочих из-за хронической безработицы теряют квалификацию. В капиталистической Англии люди не считаются самым ценным в стране капиталом.

И когда грянула война, правящие круги Англии не проявили особого беспокойства о снабжении военных предприятий рабочей силой: ведь безработных было сколько угодно. Вскоре, однако, капиталисты и их правительство убедились в том, что среди безработных не так уж много людей, способных работать на сложных станках авиационных, танковых, орудийных заводов.

Уже на третий—четвертый месяц войны на военных заводах создалось такое тяжелое положение, что правительство вынуждено было отозвать из действующей армии квалифицированных рабочих для переброски на предприятия. Но и эта операция проводилась так медленно и суматошно, что сотни рабочих-солдат по месяцам ждали направления на работу.

Правительство Чемберлена не спешило. До войны один из ответственнейших членов этого кабинета, по свидетельству журнала «Экономист», не рекомендовал интендантству создавать военные запасы, ибо, по его мнению, войны не ожидалось. Затем, когда война началась, считалось, что германского наступления не будет.

Но вскоре разразилась война, а через 9 месяцев началось германское наступление. Тогда только британская буржуазия спохватилась. Энергичный Черчилль сменил вялого Чемберлена. Заведывать военным хозяйством Англии были призваны испытанные приказчики буржуазии—лейбористы Гринвуд, Бевин, Моррисон. Первый стал во главе вновь созданного Совета производства. Второй назначен министром труда. Третий получил портфель министра военного снабжения. Назначение лейбористских лидеров именно на эти посты было не случайным. За упущения и преступления британской буржуазии должен был расплачиваться английский рабочий класс. И без помощи лейбористов, главноуговаривающих и главноуспокаивающих при партии консерваторов, в этот опасный момент трудно было обойтись.

2. Рои велосипедистов устремляются не на воскресную загородную прогулку. Эти «излишества» отошли в область преданий... для рабочих. Но тщетно было бы искать на улицах роскошные машины подрядчиков, выполняющих заказы министерства вооружений: эти машины увезли своих владельцев еще накануне в их загородные виллы. Священная традиция «уикэнд» полностью сохраняется для имущих классов.

Лейбористские вожаки, в частности мистер Бевин, бывший руководитель союза транспортников и ныне министр труда в правительстве Черчилля, изо всех силенок стараются оправдать надежды и доверие буржуазии.

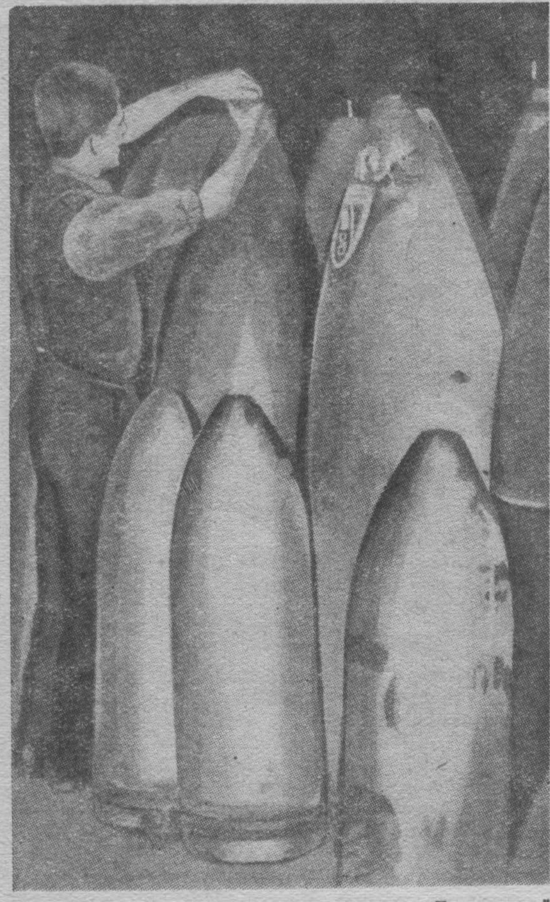
Министерство труда стало под руководством Бевина, как пишет английская буржуазная печать, министерством снабжения рабочей силой. Иначе говоря, все законодательные ограничения эксплоатации рабочих, за выполнением которых должно было следить министерство труда, фактически аннулированы. Рабочие—мужчины и женщины, старики и молодежь—должны работать **без праздников и дней отдыха, днем и ночью, по 12 и больше часов в смену, на любом предприятии, в любом городе—там, где прикажут.**

Эрнст Бевин, стоящий теперь во главе вновь созданного Комитета снабжения рабочей силой, является официальным «диктатором труда». Но, конечно, не он, а сами промышленники диктуют условия на рынке труда. Достаточно ознакомиться с составом бевиновского комитета и его областных контролеров, чтобы убедиться в этом. Так, глав-

1. «Трудись и молись»—таков лозунг английской буржуазии, под которым в эти дни и месяцы второй империалистической войны проводится разделение труда: бешеные военные прибыли для торговцев оружием и смертью, а для рабочих—напряженная работа без праздников и дней отдыха, днем и ночью, по 12 часов и больше в смену. Вот вид лондонской улицы в воскресенье, английский буржуазный журнал «Сфир» снабжает этот фотоснимок самодовольной надписью об оживлении, которое царит в предутренние часы у ворот военного предприятия.

ными заправилами в центре являются генерал-майор К. Ц. Эпплярд, директор нескольких крупных концернов в Северной Англии, и мистер А. П. Юнг, уполномоченный «Бритиш Томсон Хоустон компани» — дочерней фирмы военного концерна «Виккерс». Контролерами комитета на местах, по авторитетному свидетельству органа банковских кругов «Экономист», являются местные промышленники, получающие от казны за «работу» по снабжению рабочей силой своих же предприятий немалую плату.

Особенно велико стремление Бевина и его советников вовлечь женщин в производство. Причина проста: это прибыльно! Предприниматели и лидеры тредюнионов не хотят признать принципа «равной оплаты за равный труд» для мужчин и женщин. После длительных переговоров между предпринимателями и союзом машиностроительных рабочих несмотря на энергичные протесты женщин достигнуто соглашение, по которому работницы в первые восемь недель получают оплату по специальному женскому, пониженному тарифу. В следующие двенадцать недель они будут получать дополнительно треть разницы между оплатой

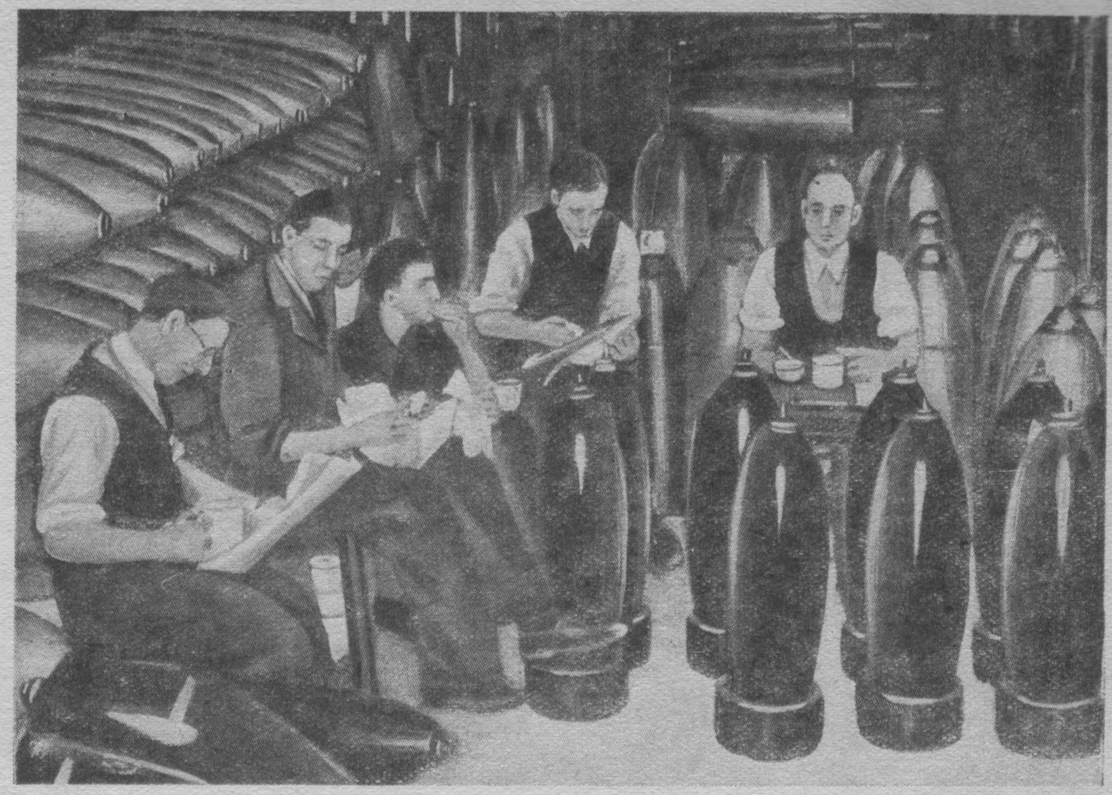

4. ...чтобы пополнить военные запасы Британской империи, мировое господство которой потрясено до самого основания.

по ставкам для женщин и нормальными ставками для мужчин. За следующие двенадцать недель основная ставка женщин составляет 75 процентов оплаты мужского труда. И, наконец, если окажется, что по окончании этого срока работница может выполнять мужскую работу «без специального наблюдения», она будет получать нормальную оплату.

Ясно, что при желании предприниматель и вместе с ним консервативные тредюнионисты, боящиеся конкуренции женского труда, могут легко доказать, что та или иная работница нуждается в специальном наблюдении.

Эвакуация многих предприятий из одного района Англии в другой привела к массовому переселению рабочих. Семьи, конечно, остаются на месте постоянного жительства мобилизованного рабочего. Нередки случаи, когда отец оказывается в одном городе, мать—в другом, а ребята—в третьем. Расходы при такой жизни «на три семьи» растут необычайно. Но мистера Бевина это обстоятельство не очень волнует. «Если понадобится, рабочий может быть переброшен в любой момент с одного предприятия на другое», — заявил лейбористский министр в своем обращении по радио к английскому народу.

3. Обеденный перерыв измеряется минутами. Тут же наспех среди бомб и гранат рабочие кое-как удовлетворяют свой голод, и машины снова вертятся...

Мистера Бевина больше заботит положение домовладельцев, которым приходится потесниться, чтобы предоставить кров рабочим, мобилизованным из других городов. «Местные власти в промышленных центрах,—заявил он в этом же обращении,—должны так разрешить жилищный вопрос, чтобы причинить поменьше беспокойств квартирохозяевам». Иначе говоря, десятки тысяч рабочих переводятся на казарменное положение.

Фабриканты даже не позаботились о питании огромных масс рабочих и работниц, перебрасываемых с одного места на другое. Коммунальные власти, застигнутые врасплох, наспех организуют походные кухни и столовые по образцу питательных пунктов Красного Креста для беженцев и голодающих! Но чаще всего рабочие питаются всухомятку, тут же, среди авиобомб, на орудийных лафетах, в чревах танков...

●

Итак, сегодня в Англии — воскресенье.

С утра поезда, автобусы и троллейбусы увозят на заводы рабочих. С благословения Бевина буржуазные писаки называют теперь пролетариев не иначе, как «колонной национальной службы». Некие музыкальные предприниматели, сэр Сеймур Хикс и мистер Базиль Дин, упрашивают публику не поскупиться на даяния, дабы утешать пролетариев легкой музыкой во время обеденных перерывов. Каждый джентльмен должен понять: без легкого негритянского блюза трудно работать 12 часов в день...

В этом можно убедиться даже из оптимистического репортажа специального корреспондента реакционной газеты «Сандэй таймс», побывавшего в одно из воскресений на Энфильдских военных заводах:

«Некоторые из энфильдских рабочих проводят у своих станков значительно больше чем 12 часов—с 7 часов 30 минут утра до 9 часов вечера. И все же они работают. На всем заводе мне не пришлось наблюдать ни одной операции, которая не требовала бы непрестанного внимания, или непрерывного физического напряжения, либо того и другого одновременно...»

Как это всегда бывает в подобных случаях, сопровождавший корреспондента мастер назвал рабочих «неутомимыми чертями» и «славными ребятами», но не смог скрыть того обстоятельства, что «бывают часы, когда начинает сказываться усталость»...

Очевидно, это утомление настолько угрожающе сказывается на производительности труда рабочих, что буржуазный журналист не может не выразить своих опасений: «Если такие условия труда будут существовать длительное время, то они могут привести рабочих к полному физическому истощению—мои личные впечатления о Вульвичском арсенале и Энфильдских заводах убедили меня в этом.

Но вот воскресный рабочий день окончен. Последует ли английский рабочий в клуб, кино или попросту в парк? Нет, это невозможно потому, что «после двенадцати часов изнурительного ежедневного труда рабочие не имеют даже сил отдыхать, когда у них на то есть время. А высокие налоги не оставляют им достаточно средств для самых простых развлечений...»

На английских заводах установлен порядок, который рабочие еще в прошлую империалистическую войну назвали военной каторгой.

5. Венчают это зрелище порабощения английских трудящихся портреты загонщиков на капиталистическую военную каторгу; «почтенные» фигуры лидера тредюнионов, по совместительству занимающего пост министра труда,—мистера Бевина,— и его советника сэра Ломаса Филлипса.

Константин Паустовский

ЛЕРМОНТОВ

(Отрывок из литературного сценария)

> ...Нет, не мирной кончиной,
> Но преждевременно противника рукой
> Поэты русские свершают жребий свой,
> Не кончив песни лебединой.
>
> РОСТОПЧИНА.

1

1837 год. Петербург. Зимние сумерки. Пустынная улица. Горят тусклые фонари. У ворот, около чугунной сквозной ограды, останавливаются сани. Из них выскакивают два гусара — Лермонтов и Столыпин. Лермонтов осторожно достает из саней большое берестяное лукошко.

За воротами сад, засыпанный густым снегом, и маленький особняк.

Лермонтов и Столыпин несут лукошко к дверям особняка. За низким освещенным окном, покрытым ледяными узорами, видны тени гусар.

— Да, кстати, Монго, — спрашивает Лермонтов Столыпина, — ради чего Пономарев устраивает эту пирушку? Ради своей двадцатой любви?

— Оставь, Маёшка! — отвечает Столыпин.— Лизавета очень мила и умна, хотя и танцорка в театре.

Комната гусара Пономарева. Пылают свечи. Круглый стол, заставленный бутылками, посудой, цветами. Табачный дым. Шумное и веселое общество: молоденькая артистка, похожая на цыганку, старый гусар Бухаров, Шувалов и Пономарев.

Дверь распахивается. Лермонтов и Столыпин осторожно вносят сверток, закутанный шинелью.

Крики:

— Монго! Маёшка!

Столыпин подымает руку:

— Тише!

Все изображают таинственное внимание. Артистка лукаво спрашивает Лермонтова:

— Кого это вы закутали, как маленького зверя?

— Это не один зверек, Полина, — отвечает Лермонтов. — Это сотни маленьких лесных зверей.

Лермонтов и Столыпин кладут сверток на стол и осторожно снимают шинель. Все теснятся вокруг. Под шинелью лукошко, полное крупной и свежей земляники. Радостный шум.

— Теперь я верю, Лермонтов,— кричит Бухаров, — что ты истинный поэт! Земляника в разгар январской стужи! Браво!

Пономарев берет Лермонтова за руку.

— Драгоценный подарок! — говорит он. — Как будет веселиться этим Лиза.

— А где же она? — спрашивает Лермонтов.

— Сейчас приедет.

— Нынче веселье не у одного тебя, Пономарев. Я готов дурачиться до самого утра.

— А что? Опять победа? — спрашивает Бухаров.

— Не хрипи, Бухаров, — отвечает Лермонтов и наливает себе в стакан вина. Вино расплескивается на скатерть. — Завтра я снесу Пушкину свои стихи.

— «Бородино»?

— Да.

— Небось, волнуешься, корнет? — спрашивает Бухаров.

— Да, страшно. Я Пушкина еще не видел.

— То-то я гляжу, рука у тебя дрожит, Маёшка, — смеется Бухаров.

— Весь день мне холодно и весело, — отвечает Лермонтов. — Будто я подымаюсь на цветущую горную вершину.

— Да, Пушкин — это, брат, громада, — задумчиво соглашается Бухаров.

Пономарев зажигает жженку. Все бросаются гасить свечи.

— Эх вы, халдеи! — сердится Бухаров. — Да разве так готовят жженку? Эх вы, паркетные гусары!

Бухаров гасит жженку и подливает в нее ром.

— Не то что ты, — насмешливо говорит Столыпин.

— Не то что я, — отвечает Бухаров, снова зажигая жженку. — Ведь это обо мне сочинено Маёшкой: «Вам не видать таких сражений, носились знамена, как тени, в дыму огонь блестел!»

Бухаров хватает Лермонтова и начинает кружить его по комнате. Лермонтов вырывается, садится к роялю. Играет. Пономарев говорит Шувалову:

— А ну-ка спой, Шувалов. На твой голос красавицы слетаются, как мотыльки на свет. Как запоешь, сейчас же явится Лизетта.

Шувалов подходит к роялю. Лермонтов играет вступление. Шувалов поет:

> «Кубок янтарный полон давно,
> Пеной угарной блещет вино!»

Взмыленный рысак останавливается у ворот. Молодая женщина — Лиза — выскакивает из саней, бежит через сад, падает. Подымается вся в снегу. Вбегает в дом.

Шувалов поет:

> «Выпьем за радость юной любви:
> Скроется младость, дети мои...»

Дверь отворяется. В дверях стоит Лиза. Все оборачиваются. Пение и музыка стихают.

Возгласы:

— Наконец-то!

— Лиза!

— А мы измучились от ожидания!

Столыпин начинает зажигать свечи. Лиза прислоняется к косяку двери и тихо говорит:

— Лучше не зажигайте свечей.

Столыпин останавливается. Пономарев бросается к Лизе.

— Что с тобою, Лиза? Что стряслось?

Лиза отвечает бессильно и медленно:

— Пушкина убили... Вот только что... Час назад...

Все поражены. Лермонтов встает. Две свечи освещают комнату. Ветер из дверей качает их язычки. Лермонтов быстро подходит к Лизе. Лицо его искажено. Он трясет ее за плечи и кричит:

— Кто убил? Кто? Говорите!

— Дантес, — шопотом отвечает Лиза.

— Дождались,— говорит Бухаров и взмахом руки гасит жженку.

Лермонтов выходит из комнаты, срывает с вешалки шинель, забывает взять фуражку и медленно идет к дверям.

Растерявшийся слуга хочет остановить его, но не решается.

Темная пустынная улица. Мигают под ветром фонари. Ветер метет снег.

Лермонтов останавливается у стены, прижимается к ней лбом и по-детски плачет.

Далеко, очень глухо бьют барабаны.

Старый извозчик, засыпанный снегом, сгорбившийся, сидит на козлах. Лошадь спит, потряхивая ушами. Извозчик замечает Лермонтова, хлопает рукавицами:

— Садитесь, ваше благородие! Так нехорошо стоять-то, без шапки. Случилось что?

— Пушкина убили, — глухо отвечает Лермонтов.

— Кого?

— Пушкина. Да ты все равно не знаешь,— с горечью говорит Лермонтов.

Извозчик снимает шапку, крестится и говорит:

— В руки твои предаю дух мой!

— Что ты сказал? — встревоженно спрашивает Лермонтов.

Извозчик не отвечает, надевает шапку:

— Садитесь, ваше благородие! Нешто можно в такой мороз без шапки!

Лермонтов садится в сани, говорит извозчику:

— На Мойку!

2

Извозчик везет Лермонтова по пустынному городу, будто отлитому из почерневшего серебра. Дрожащие фонари освещают колонны, порталы зданий, решотки горбатых мостов, полосатые будки, седые от снега бронзовые памятники.

На набережной Мойки извозчик проезжает мимо темного дома. Освещены только два окна в первом этаже. У крыльца стоит пустая карета. Обе дверцы кареты открыты настежь. Кучера нет.

Лермонтов слегка толкает извозчика в спину. Извозчик останавливается.

Лермонтов, не выходя из саней, смотрит на освещенные окна. Штора на одном из окон зацепилась за ручку и не опущена до конца.

К крыльцу быстро подъезжают сани. Из них выскакивает человек в меховой шубе. Подымается на крыльцо и стучит. Дверь отворяет офицер в форме кавалергарда — Данзас.

— Ну что, как он? — спрашивает человек в меховой шубе.

— Доктора говорят, что нет ни малейшей надежды, — отвечает Данзас. — Штука скверная: он погиб!

Человек в шубе входит в прихожую. Дверь затворяется.

Ветер качает открытую дверцу кареты. Дверца скрипит.

— Погиб, — повторяет Лермонтов и замолкает.

— Погиб...— снова говорит он и гневно кричит извозчику: — На Садовую. Гони!

Сани Лермонтова отъезжают, но тотчас извозчик сворачивает, чтобы дать дорогу двум мчащимся во весь опор каретам. Кареты останавливаются у крыльца.

Садовая улица. Вьюга. Извозчик подъезжает к большому, угрюмому дому. Лермонтов выскакивает из саней. Запахнув шинель, хватаясь за чугунные прутья ограды, он прорывается сквозь вихри снега к крыльцу.

Лермонтов нетерпеливо стучит в двери дома на Садовой. Ветер качает над его головой железный фонарь. Никто не открывает.

Лермонтов с силой рвет дверь, ломает замок, распахивает дверь и, бросив ее открытой настежь, быстро проходит мимо слуги, вышедшего на стук со свечой. Оторопевший слуга прижимается к стене.

Гостиная в доме бабушки Лермонтова Арсеньевой. Бабушка раскладывает за круглым столом пасьянс. Рядом сидит немолодая, просто одетая женщина. Женщина вяжет. В шандале на столе горят свечи.

Распахивается дверь. Через гостиную стремительно, как буря, проходит Лермонтов. Он весь в снегу. Шинель на нем распахнута. Он без фуражки.

— Мишенька! — тихо вскрикивает бабушка и торопливо встает, опираясь трясущимися руками о ручки кресла. Женщина роняет клубок вязальных ниток. Клубок катится по полу.

Лермонтов, ни на кого не глядя, входит в свою комнату и захлопывает дверь.

Женщина берет со стола свечу и уводит из гостиной растерянную бабушку.

Темнота. На пол падает полоска света из щели в дверях комнаты Лермонтова.

Улица около угрюмого дома на Садовой. Поздняя ночь. Метет снег. Во всем доме темно. Свет горит только в одном окне.

У крыльца спит на облучке извозчик.

Темная гостиная Арсеньевой. В освещенную щель на полу из комнаты Лермонтова проскальзывает с шелестом лист бумаги. Лермонтов порывисто отворяет дверь и подымает его. Лермонтов все еще в шинели, но мундир под шинелью расстегнут.

Стоя в полосе света, падающего из открытой двери, Лермонтов читает вполголоса:

«Погиб поэт — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой...»

Задумывается, подходит к окну в гостиной и, прижавшись лбом к стеклу, смотрит на улицу. В снегу лежит ночной мертвый Петербург. По улице медленно идет фонарщик, гасит фонари и с каждым погашенным фонарем все более угрюмой и снежной делается ночь за окнами. У крыльца спит засыпанный снегом извозчик.

Кто-то входит в гостиную со свечой. Вошедшего не видно. Свет падает на опущенные плечи Лермонтова, на его чуть сутулую спину. В черном стекле отражается трепещущий язычок свечи.

Лермонтов быстро оборачивается. Лицо его осунулось и похудело. Хрипло и требовательно он говорит:

— Унесите свет! И оставьте меня одного.

Свет исчезает. Лермонтов входит в свою комнату, оставляет дверь открытой. Снимает шинель, бросает ее на спинку стула, наклоняется над столом и читает исписанные листки.

Слышно, как за окнами башенные часы бьют четыре удара.

Лермонтов оглядывается и закрывает дверь в гостиную.

Молоденький прапорщик со звоном распахивает дверь с улицы в кофейную Вольфа на Невском. Останавливается в дверях.

За столиками, освещенными косым зимним солнцем, сидят, склонившись, и быстро пишут молодые офицеры, чиновники, студенты, моряки.

Посреди кофейной стоит сухощавый, хорошо одетый человек. Он держит в руке листок бумаги. На столе перед ним цилиндр, поставленный полями кверху. Сухощавый человек медленно читает:

«Не вы ль сперва так долго гнали
Его свободный, смелый дар...»

— Что это за департамент? — изумленно спрашивает молоденький прапорщик.

Сухощавый человек оглядывается на прапорщика и прячет листок в цилиндр.

— Не мешай! — кричат прапорщику из-за столиков. — Нашел время шутить!

Смущенный прапорщик входит в кофейную.

— Продолжай, Розен! — кричат сухощавому человеку из разных концов кофейной.

Сухощавый человек достает листок из цилиндра.

Прапорщик подходит к одному из столиков и растерянно спрашивает:

— Что это вы пишете, друзья?

Белокурый моряк молча показывает ему листок со стихами и с заголовком «На смерть поэта».

Прапорщик читает, отдает листок, срывает со стены объявление о том, что в кондитерской Вольфа получено настоящее аравийское кофе, и начинает переписывать стихи на обороте объявления.

Мест за столиками нет, и прапорщик пишет стоя, прижав листок к стене.

Сухощавый человек медленно читает:

«Что ж? Веселитесь. Он мучений
Последних вынести не мог.
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок».

Молоденькая продавщица, наклонившись над прилавком, записывает вместе со всеми стихи на клочке бумаги. Пекарь в колпаке вносит корзину с кренделями и, стараясь не шуметь, высыпает крендели на прилавок. Вытирает рукавом пот со лба и прислушивается к словам сухощавого человека.

— Чью песню записываешь? — шопотом спрашивает пекарь продавщицу.

— Какого-то гусара Лермонтова, — отвечает она. — Не мешай...

Павло Усенко

МОРСКАЯ

Тучи солнце закрывают,
С моря стелется туман...
Волны грозные гуляют,
Но преграды мы не знаем,
Нам нестрашен океан.
Нам нестрашен океан.
Пусть стихия дышит грозно,
Духом мы не упадем,
Знаем, рано или поздно
Мы под флагом краснозвездным
Вступим в смертный бой с врагом.
Вступим в смертный бой с врагом.
Если враг, — так залпом встретим,
Как и надобно встречать.
Если друг, — его приметим,
Не погибнет он на свете,
Друга будем выручать.
Друга будем выручать.
Вечно шумный, вечно дикий,
Злобно воет океан,
Но сиянием великим,
Сея радужные блики,
Всходит солнце сквозь туман.
Всходит солнце сквозь туман.

Перевел с украинского
БОРИС БЕНДИК

Аркадий Ситковский

ШЛА ЭСКАДРА

Шла эскадра
Синим морем,
Волны бились за кормой.
«Будет буря —
мы поспорим!» —
Молвил штурман молодой.
Позади —
Страна родная
И любимая с платком,
Вся от солнца золотая,
На песке береговом.
Впереди —
Дымки над морем
Кораблей земли чужой.
«Будет буря —
мы поспорим!» —
Молвил штурман молодой.
Как сошлись,
Как бились жарко,
Знают чайки над волной...
Не видать
под небом ярким
Кораблей земли чужой.
Впереди —
Страна родная
И любимая с платком,
Вся от солнца золотая,
На песке береговом.
Реет алый флаг
Над морем,
Волны бьются за кормой
«Будет буря —
мы поспорим!» —
Молвил штурман молодой.

М. Лисянский

НА ЧЕРНОМОРСКОМ БЕРЕГУ

Синеет море сквозь листву,
Дымят на рейде пароходы,
И, погруженный в синеву,
«Товарищ» медленно проходит.
Семь русских букв — и предо мной,
Знакомое на всех наречьях,
Проходит слово над волной,
И я спешу ему навстречу.
Быть может, в бухте, у причала,
Без фиолетовых чернил
На золотом песке сначала
Моряк названье сочинил.
И паруснику отдал имя
И другу, с кем в туман идти,
Тому, кто был незаменимым
Товарищем на всем пути.
Кто с ним во сне и наяву
Делил, как хлеб, и смех и горе...
Синеет море сквозь листву,
Уходит с ветром парус в море...

Алексей Кожевников.

ПОДАРОК

РАССКАЗ

Рисунки худ. Н. Малолеткова.

Каждое лето я надеваю рюкзак, беру подкованную палку и отправляюсь в горы. Этим летом ездил на Кавказ. В товарищи себе взял сына, двенадцатилетнего Юрку.

Июльским утром, по прохладе, мы оставили город Нальчик и вошли в горы. Начинались они невысокими кудреватыми холмами, сплошь покрытыми дубом, черемухой, орешником. Казалось, холмы закутаны в длинные, до пят, зеленые плащи.

Юрка долго оглядывал эти холмы, потом сказал с тревогой и разочарованием:

— И это горы!

Он подумал, что ради таких гор не стоило ехать из Москвы. Я утешил его, что эти горы как самые младшие дети в большой семье; главные будут впереди.

Через два дня мы пересекли ярус лесистых гор и подошли к скалистым. Они были так высоки, что доставали до облаков и облака застревали на вершинах. От зеленого плаща лесов остались только кое-где мелкие лохмотья.

— А эти какие? Тоже неглавные? — спросил Юрка уже с иной тревогой.

На третий день среди далеких облаков мы увидели белый конус с румяной макушкой.

— Какое интересное облако! — сказал Юрка и помахал конусу панамой. — Подожди нас, пойдем вместе!

— Не бойся, не убежит, — сказал я. — Это — не облако, а горы, главные, снеговые.

Мы шли и на ходу занимались географией. Перебрали формы земной поверхности, поговорили о работе текучих вод, о климате и погоде.

— А что такое снеговая линия? — спросил я.

Мы как раз подходили к главному хребту Кавказа, был отчетливо виден перевал и на нем длинный синий ледник. До снеговой линии оставалось не больше двух—трех часов пути.

— Выше этой линии лежит вечный снег. Он никогда не тает. Там вечная зима, — ответил Юрка.

— А ниже?

— Я думаю, осень.

— Вечная осень?

— Зимой — зима, а летом, наверно, как осенью: холодно, слякоть, то замерзнет, то оттает, и ничего не растет...

— Ошибаешься — ставлю «плохо».

Юрка начал спорить: ведь перед зимой может быть только осень — и требовал поставить ему «хорошо». Спорили мы долго и горячо. Рассудить нас было некому, и мы, наконец, помирились на том, что сначала посмотрим снеговую линию, а потом уж поставим отметку.

Леса, три дня назад шумевшие высоко над нашими головами, теперь были глубоко внизу. Шли мы по заоблачным скалам, по тем самым, что в сумрачную погоду кажутся выше неба. Скалы перемежались небольшими равнинами альпийских лугов. И так, где по скалам, где по луговым плешинкам, мы подошли к леднику. Он поднимался почти отвесной стеной. Справа и слева стояли две шеренги голых утесов. Они были так круты, что на них не держался снег. Перед ледником лежала небольшая — с километр в поперечнике — площадка, плечо горы.

Было часов девять утра, но солнце пекло и сверкало нестерпимо. Нижняя кромка ледника быстро таяла, как тает в мае где-нибудь залежавшийся снег. Быстрые холодные ключи бежали по плечу горы и, сливаясь в могучий шумный поток, падали в ущелье.

— Папа, выбери сам!

Совсем рядом с кромкой ледника, среди еще не успевших обсохнуть камней, цвели подснежники, а в сотне шагов от кромки росла густая и высокая, по колено человеку, трава. Она покрывала все плечо горы. Над ней под горным ветерком колыхались колокольчики, мальвы, акониты, ромашки.

В наших садах, где хозяйствует внимательная и заботливая рука человека, я никогда не встречал таких огромных ярких и пахучих цветов, какие цветут в горах под снеговой линией. Цветы ромашки еле-еле умещались в моей ладони. Не пасмурная и хмурая осень окружала нас, а чудесная пора, когда воедино слились весна и лето. Это можно видеть только высоко в горах, и этому пока еще не придумано имени.

— Ну, Юрий, можешь сердиться, а за географию тебе «плохо», — сказал я.

— Ставил бы там... — озорник кивнул в глубину ущелья. — А теперь я знаю на «отлично», теперь я на всю жизнь запомню снеговую линию! — и он потребовал «отлично».

Пришлось поставить.

Для перехода через ледник мы взяли проводника, а свой дорожный груз переложили на ишака. Сперва шли о бок ледника, по голым утесам. Впереди всех был ишачок. Он весело потряхивал большими ушами и, казалось, без всякого труда одолевал самые крутые подъемы, только следы его острых копыт на крутизне становились глубже. Ишачок тащил около трех пудов грузу, мы шли пустые, и все-таки сердца наши делали по два удара в секунду. Мы отчаянно завидовали ишаку.

Но вот тропа уперлась в ледник. Проводник разгрузил ишака, повернул его головой к альпийским лугам, легонько толкнул и сказал:

— Гуляй обратно!

Ишачок, отбежав несколько шагов, остановился и начал глядеть на нас через плечо. Видно было, что ему охота к нам, но тропа настолько узка, что на ней не мыслимо повернуться.

Юрка пожалел ишачка и взялся хлопотать за него перед проводником. Проводник сказал, что дальше ишаку нельзя: у него нету таких ног и такого сердца.

— А мы? Как пойдем мы? — недоумевает Юрка.

— Тихонько, — говорит проводник и одобрительно улыбается.

Мы подвязываем к нашим башмакам кошки, взваливаем на плечи груз и робко подступаем к ледяной стене. В минуты отдыха оглядываемся на ишачка, который все стоит и наблюдает за нами. Наша зависть к ишаку постепенно затухает, наше неверие в себя сменяется верой.

К полудню мы на вершине перевала. Острый ледяной гребень кое-где прикрыт снежком; кто-то очень верно назвал его куриной грудкой. Впереди у нас глубокий провал. Сверху он облицован льдом, ниже — луга и лес. За провалом вздымается другая снеговая гряда — хребет Сванетский. Два эти хребта: главный Кавказский и Сванетский — идут рядом, как две колеи одной дороги. Между ними зажата Сванетия. Сначала мы глядим вперед, жадно вдыхаем ветер, дующий из Сванетии. Потом оборачиваемся назад, измеряем глазами пройденный путь и счастливо улыбаемся друг другу. Около нижнего конца ледника мы замечаем темную живую точку. Это ишачок. Он глядит в нашу сторону, пробует повернуться на узкой тропе и, наверно, отчаянно завидует нам...

На лугах под снеговой линией Юрка нарвал букетик цветов и сказал:

— Унесем в подарок маме.

— Унесем, — согласился я.

Мы переложили цветы газетами, чтобы не помять лепестки и сохранить природную красоту окраски.

На перевале, откуда увидели Сванетию, Юрка отломил кусок серого гранита и опять сказал:

— Унесем маме.

И так всю дорогу подбирал камни, рвал цветы.

Наши рюкзаки, вместо того чтобы пустеть, становились полней и полней. Съеденные консервы заменялись кусками гранита, кварца, шифера и колчедана; плитки шоколада — пухлыми связками цветов и трав. Цветы и травы нес Юрий, а я, как более сильный, нес камни.

Наступил наш последний день в Сванетии. Мы поднимались на перевал Гарваши, за которым начиналась автомобильная дорога к Черному морю. Мне казалось, что за спиной у меня не рюкзак, а могильная плита. Я спотыкался, раза два чуть-чуть не полетел в пропасть. Потом сбросил рюкзак наземь и сказал:

— Мы не увидим Черного моря.

Юрка так и присел от изумления: столько трудились, уже почти дошли до моря и вдруг — не увидим.

— Больше не увидим и мамы, — добавил я.

— Папа, что с тобой? — прошептал Юрка.

— А если хочешь видеть море, видеть маму, то развяжи мой рюкзак!

Он покорно развязал. Я выложил шерстяную сванскую шапочку, сванский кинжал, остатки продуктов, белье и сказал:

— А камни все в пропасть!

Юрка попросил оставить хотя бы один-единственный камешек. Я согласился. И Юрка начал выбирать. Он взвешивал камни на ладони, вертел перед солнцем, перекладывал слева направо и справа налево. Одни были красивы своей собственной красотой, другие были найдены на красивых и величественных местах: на склонах Ужбы и Тетнульда [1], на берегах могучих горных рек, около водопадов.

Кончилось это тем, что Юрка смешал все камни в одну кучу и сказал:

— Папа, выбери сам!

Я так же, как и Юрка, долго взвешивал и оценивал камни и постепенно сложил все обратно в рюкзак.

— Пошли? — сказал я, взваливая рюкзак на плечи.

Но Юрка остановил меня. Мы оба оглянулись на ледниковый хребет Кавказа, который заволакивался дымкой вечернего тумана.

— Скажи, куда мы поедем в новом году? — спросил Юрка.

— Не знаю.

— Поедем опять сюда?

— Можно.

— И возьмем маму?

— Поедет — возьмем.

— Обязательно? — Юрка протянул мне руку.

— Обязательно! — я пожал ему руку.

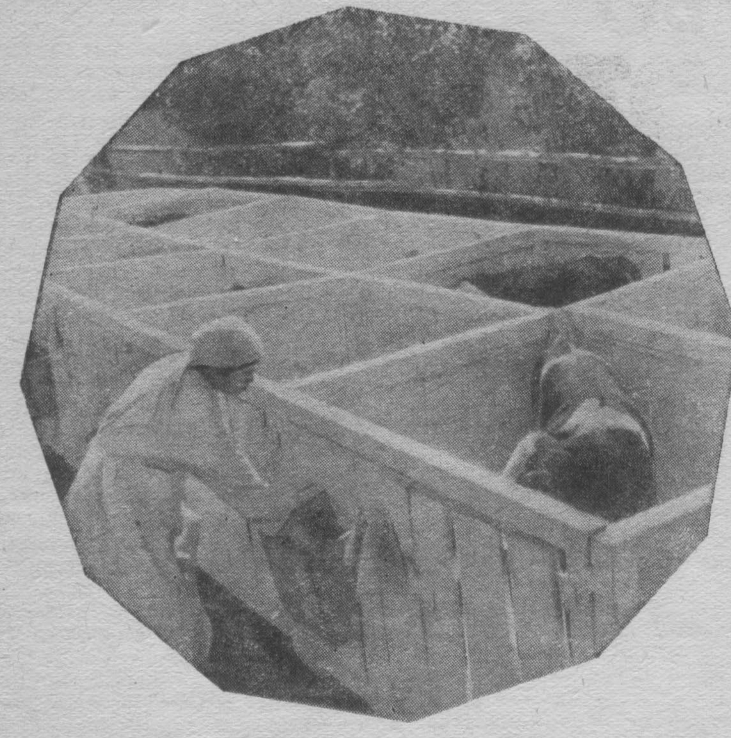
— А теперь сними рюкзак!

Я снял. Юрка мигом развязал его, выложил шапочку, кинжал... А камни с веселым рокотом, поблескивая красными, белыми и зеленоватыми гранями, скатились в ущелье.

[1] Ужба и Тетнульд — горные вершины, почти равные по высоте Эльбрусу.

МОЛОДНЯК

Фото Е. Микулиной

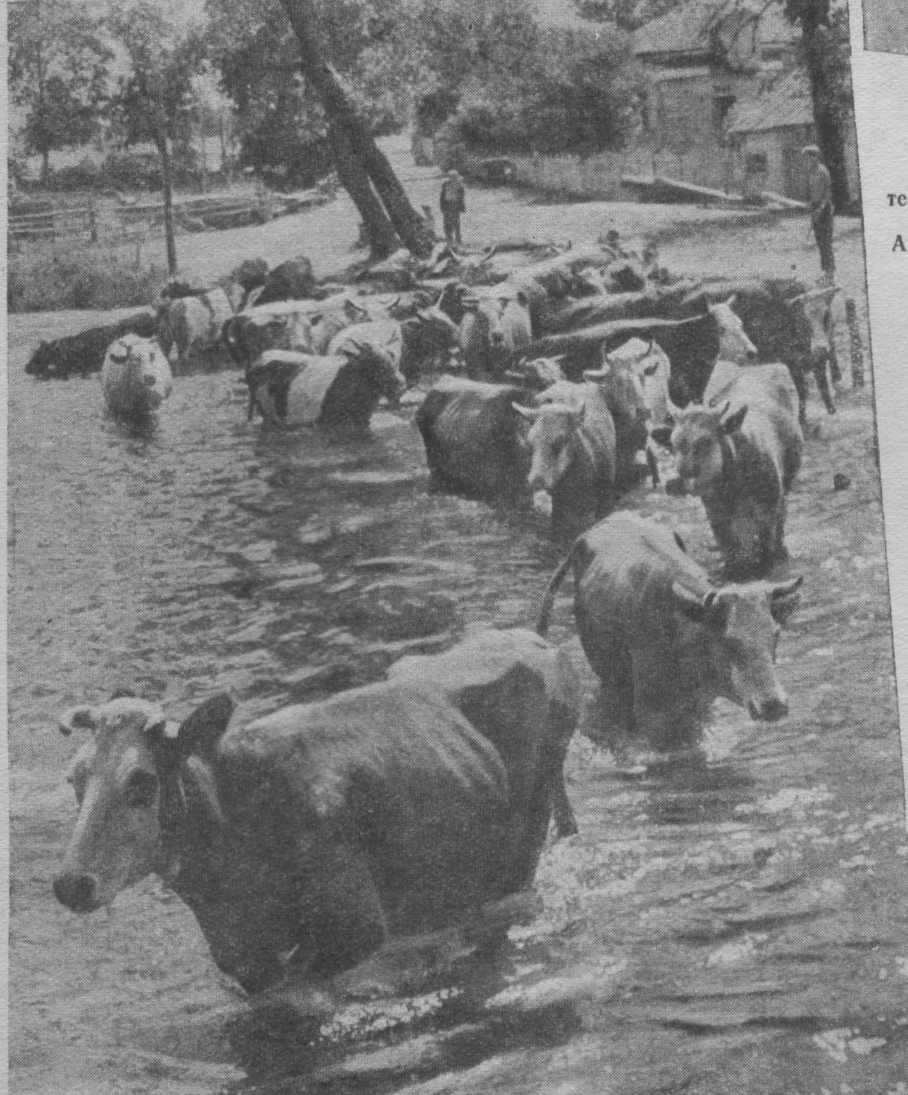

Племенная ферма крупного рогатого скота колхоза имени Кагановича, Киевского района, славится образцовым уходом за молодняком.

Колхоз участвует на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1940 года.

Для каждого теленка имеются отдельный загон и кормушка. Минеральная подкормка—мел—дается в смеси с концентратами. Соль-лизунец находится в кормушках.

Телятница Антонина Гайдай любовно следит за порученными ей телятами. Она тщательно скоблит и чистит их щетками.

Каждый теленок имеет индивидуальное полотенце, и после еды Антонина Гайдай вытирает ему мордочку.

Д. Тальников

ЗОЛОТО ЦХАЛТУБО

Фото Ю. Говорова

Наиболее популярным местом, привлекающим весной, летом, осенью и зимой тысячи граждан со всех концов Советского Союза, становится маленький курорт Цхалтубо, находящийся в 12 километрах к северозападу от Кутаиси. Слава о Цхалтубо распространилась и в Европе.

На страницах романа Зола описывается стечение в маленькое местечко Лурд жаждущих исцеления людей. Источники Лурда «чудотворны». Слава их основана на гипнозе слепой, мистической веры «простых сердец», на шарлатанстве предприимчивых мошенников в священнической рясе, церковных крыс и опытных дельцов-спекулянтов.

В Цхалтубо — «советском Лурде» — никто не верит в «чудеса». Здесь торжество науки и знаний. Все знают о подлинной органической силе источников, замечательном целительном свойстве цхалтубских вод.

И не легенды передаются здесь из уст в уста, а рассказы о подлинных, происходящих на глазах у всех фактах постепенного излечения.

«Лечебный эффект цхалтубской воды зачастую поразителен»,— пишет известный специалист-курортолог профессор Валединский.

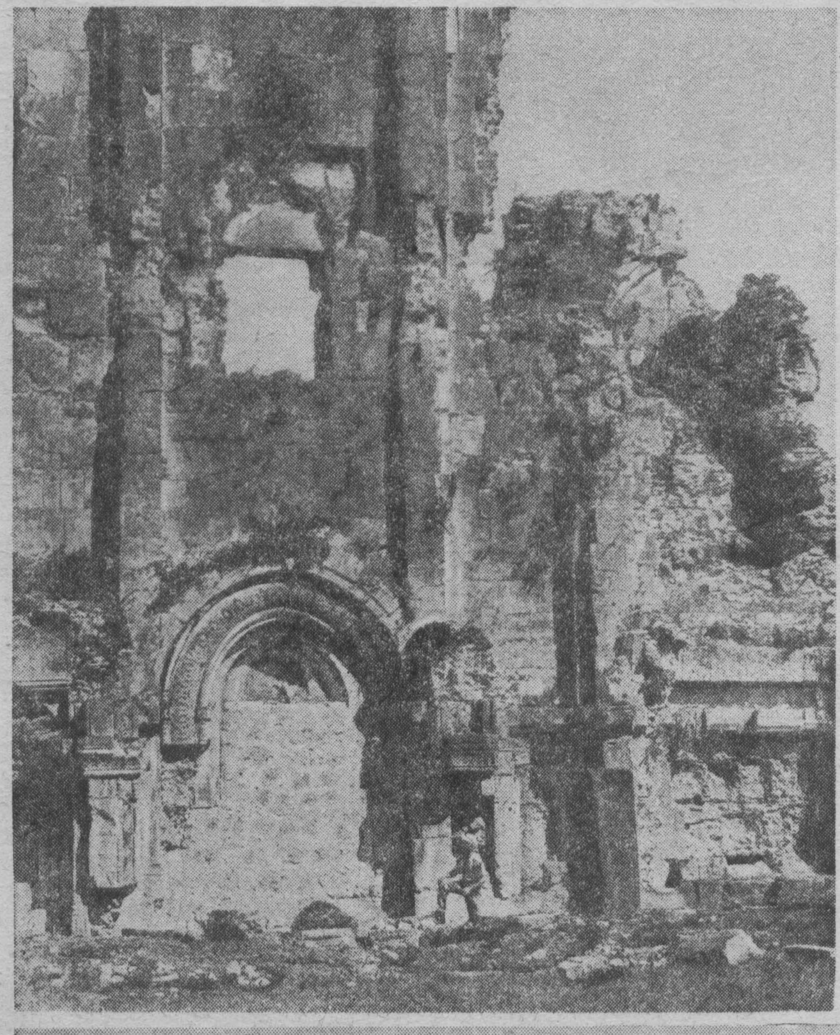
Цхалтубо развертывается сейчас как курорт всесоюзного значения. Он показан при заболеваниях ревматизмом, артритом, спондилоартритом, невритом, ишиасом, невралгией, при нарушении обмена веществ, подагре, повышенном давлении, гинекологических заболеваниях (20% всего числа больных), функциональной неврастении, некоторых кожных болезнях (экзема и пр.) и, наконец, при болезни сердца и сердечно-сосудистой системы.

Цхалтубо сейчас признан — наряду с Кисловодском и Мацестой — курортом для сердечнобольных. Здесь в воду погружаются больные с артериосклерозом и даже с суб-декомпенсированным сердцем — с пороками сердца в стадии незначительной декомпенсации.

Действие радиоактивных газовых вод Цхалтубо настолько мягкое, что ванны назначаются здесь больным по 2 раза в день и продолжительностью в 15—20 минут. Весь круг лечения в Цхалтубо — единственном в этом смысле курорте — ограничивается двумя неделями (30 ванн). После двух недель больной имеет еще время для спокойного отдыха в каком-либо другом месте у моря, на даче.

По словам профессора Щукарева, цхалтубские источники по своему составу «не имеют аналога ни у нас, ни заграницей и являются величайшей редкостью». Эти воды несколько напоминают Вильдбад (в Шварцвальде) и Теплиц-Шенау (в Чехо-Словакии). Характерными особенностями цхалтубских вод являются их радиоактивность — самопроизвольное выделение лучистой энергии, — термальность, а также своеобразный сложный солевой раствор (свободный азот в большом количестве, кальций и магний с высокой активностью ионов).

Больной погружается в бассейн и лежит в нем неподвижно. Азот слегка раздражает кожную поверхность, способствуя поглощению радиоактивных элементов. Через 3—4 минуты пребывания в воде происходит побледнение кожи, вызванное сужением периферийных сосудов и отливом крови от периферии к центрам, где кровь в это время обильно орошает внутренние органы. Через одну — две минуты после выхода из ванны эта реакция проходит.

Общий вид санатория ВЦСПС. На снимке вверху: развалины храма-крепости царя Баграта в 12 километрах от Цхалтубо — излюбленное место для экскурсий

Действие цхалтубских вод усиливается тем, что их не надо искусственно нагревать. Воды вырываются из земли непосредственно в проточные бассейны в теплом виде, с температурой, приближающейся к температуре человеческого тела.

При почти одинаковом химическом составе источники Цхалтубо отличаются один от другого главным образом разницей в температуре, колеблющейся между 33,4° и 34,8°. Источники № 1 и № 2 — для более сильных ревматиков — имеют общие водоемы, в которых умещается одновременно от 30 до 60 (в одном источнике) человек; в источнике № 3 устроены отдельные кабинки. Больной входит в бассейн, обложенный камнем, ложится на каменное ложе и вынимает палку, которой закрыто отверстие в каменном полу бассейна. Из отверстия, бурля и шипя, вырывается в своем естественном виде маленький фонтан воды прямо из почвы, на которой стоит павильон. Вода наполняет каменную ванну до нужной высоты, сама регулируя дальнейшее поступление. Неиссякаемый дебет воды, которую курорт может использовать, достигает суточной цифры в 23 миллиона литров.

Из ста обнаруженных источников — буровых и естественных выходов — в эксплоатации находится пока только шесть! В существующих сейчас ванных зданиях Цхалтубо при полной их годовой загрузке (Цхалтубо работает круглый год) сейчас можно использовать не более 7 миллионов литров в сутки, то есть только 30 процентов общего количества. Если использовать колоссальное количество воды полностью, то в сутки можно (по учету генерального плана курорта) пропустить при летней, наиболее интенсивной загрузке курорта 10 тысяч больных, а за год — несколько сот тысяч вместо пропускаемых теперь в среднем 20 тысяч.

Цхалтубо — это золото, само идущее к нам из недр земных и расточительно не используемое.

История Цхалтубо как курорта связана с нашими днями. Это — детище Советского Союза.

Проехав Кутаиси — уютный, тихий город, с его замечательными древностями — руинами храма Баграта, — с сооружениями нашего времени: Рионгэсом, строящимися фабриками, заводами,—вы попадаете в живописную котловину на высоте 95 метров над уровнем моря, окруженную красивой горной цепью и холмами. На дне котловины, в долине, расположены само Цхалтубо и его водные учреждения.

Глазу открываются просторы, белые, в цвету фруктовые деревья весной, мирные поля с чудесным воздухом и покоем.

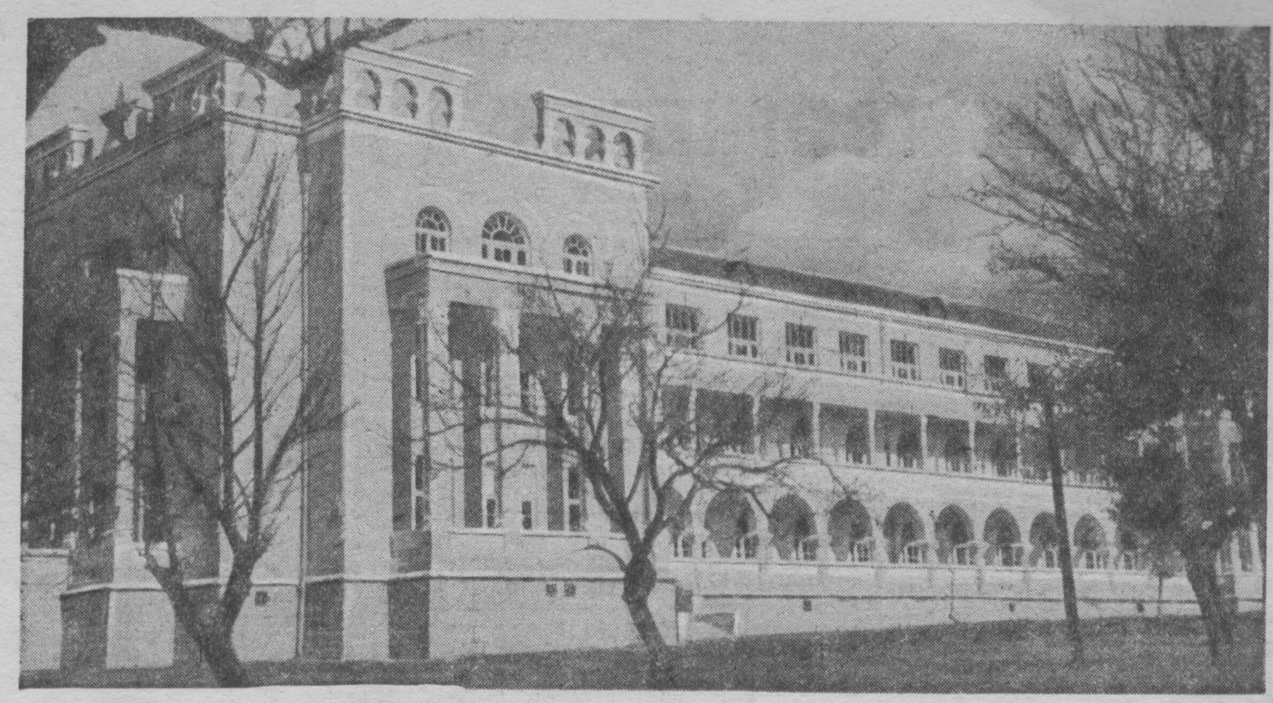
Перед революцией Цхалтубо владела группа местных дворян Иоселиани. При меньшевистской власти в Грузии они продолжали владеть драгоценной почвой, но о благоустройстве и развитии курорта, конечно, не думали. В это издревле славившееся целебными водами местечко (на мингрельском наречии Цхалтубо означает «теплая вода») еще недавно — лет 25 назад — приезжали крестьяне с семьями на арбах, располагались здесь табором и целыми сутками полоскались в лужах этой воды. Впервые статья (Крыжановского) о Цхалтубо как курорте появилась в «Горном журнале» еще в 1830 году. Но только с установ-

лением советской власти в Грузии (в 1921 году) начинаются ростки новой жизни этого курорта, открывается поликлиника. В 1926 году проводится шоссейная дорога в Кутаиси и устанавливается автобусное движение, строятся бараки — первый жилфонд курорта. Но еще долго здесь не было электричества, и весь курорт освещался двумя газовыми фонарями.

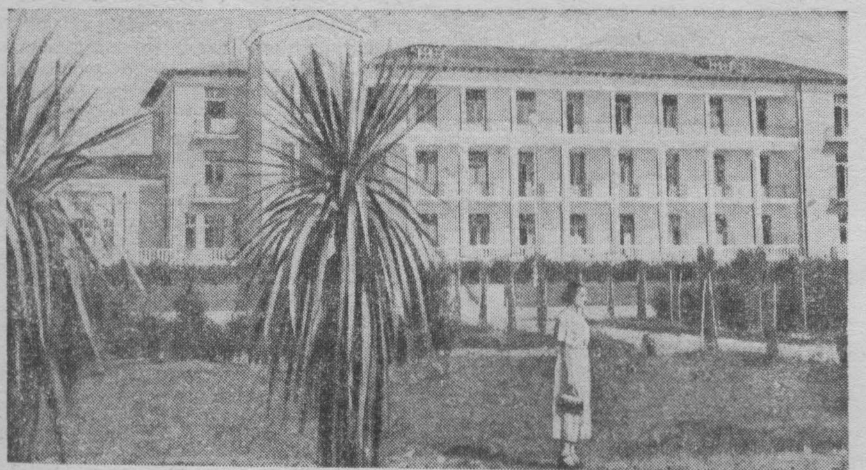
Маленькая бурная речка Цхалтубка, разливаясь, затопляла на несколько дней ванные заведения и заболачивала всю местность. В воздухе носились тучи комаров, процветала малярия.

После пребывания в Цхалтубо товарища Сталина (в 1931 году) на этот курорт обращено особое внимание. Это поворотный пункт в жизни курорта. Тогдашний секретарь ЗКК ВКП(б) Л. П. Берия проявил особую заботу об этом курорте. Началось подлинное строительство.

Речка Цхалтубка отведена сейчас в два каменных обводных канала. Там, где стояли крестьянские арбы, теперь разбит хороший парк. Строятся санатории, гостиница, сооружаются временные водопровод и канализация. Насаждаются эвкалиптовые рощи для осушения почвы; в речке разведена прожорливая крохотная рыбка гамбузия, пожирающая личинки комаров; борьба с малярией ведется победоносно.

Клинический санаторий.

Гостиница в Цхалтубо.

Большое участие в медицинско-общественной жизни курорта принимает кутаисский старожил врач Л. Д. Назаров. С этим именем связана упорная борьба в дореволюционное время за курортную судьбу Цхалтубо. Энтузиастом и пионером этой борьбы явился известный кутаисский врач — отец Л. Д. Назарова — Д. А. Назаров — питомец Военно-медицинской академии, ученик Манасеина. Ныне сын его Л. Д. Назаров увидал то, о чем мог только мечтать отец.

Курорт строится. Если на всех источниках ванные заведения, выстроенные еще частными владельцами, достаточно примитивны, то законченное летом 1939 года и поступившее в эксплоатацию новое здание источника № 5, построенное в стиле римских терм, радует своими удобствами. Здесь и общие бассейны и одиночные прекрасные кабинки для экспериментальных наблюдений, но двух бассейнов, рассчитанных каждый на 15 человек, и 16 одиночных ванн слишком недостаточно для площади, которая легко может вместить вдвое большее число купающихся.

В Цхалтубо функционируют 1-я, 2-я и 3-я санатории Курупра, санаторий Удвос, санаторий ВЦСПС, расширяющий свою площадь для 500 больных, пансионат, лечебная комиссия, барак для неорганизованных больных — и почти все. Открыт новый клинический санаторий — роскошное, прекрасно оборудованное трехэтажное здание, имеющее свыше 150 помещений. Большое число комнат здесь отведено под различные кабинеты и специальные лаборатории, и все помещение дает право этому санаторию стать подлинным бальнеологическим научно-исследовательским институтом, в котором так нуждается Цхалтубо.

Многое в лечебном действии цхалтубских вод еще не изучено. Науки о Цхалтубо еще не существует. Так, только недавно стали здесь лечить артериосклероз (в легких и средних формах) и гипертоническое давление, которое значительно понижается (на 30—40 мм).

Курорт нуждается в средствах для устройства хорошего водопровода, нуждается в автотранспорте для перевозки больных, строительном материале для ремонта, в улучшении питания больных и пр.

Исключительное значение Цхалтубо, своеобразного по своему лечебному эффекту, требует срочного принятия мер помощи этому «подателю струй целебных».

Отдыхающие у минерального источника.

Ю. Нейман

ПУТЬ К ТВОРЧЕСТВУ

Фото Ю. Говорова

В двух небольших залах Государственной Третьяковской галереи открылась интересная выставка. На ней представлены работы учащихся студии московского городского Дома пионеров.

Характеризовать творческие индивидуальности здесь пока еще не приходится. Старшему из художников семнадцать лет — возраст, когда человек весь в движении, весь открыт для влияний извне, когда один день может перевернуть и перечеркнуть все предшествующее.

Рассматривая эти работы, уместно говорить только об отдельных шагах и попытках.

Молодые художники идут двумя путями: они изучают живую и «мертвую» природу, работая над пейзажем и натюрмортом, и — значительно реже — пытаются воплощать в красках свои замыслы, создавать оригинальные композиции, картины.

В области натюрморта успешнее других работает Д. Берлин. Тщательно и любовно передает он прозрачный блеск стекла, серебряные выпуклости металла, гладкую и бархатистую кожуру фруктов. Его так увлекают частности: наливные ягоды клубники, плавающие в тягучем сиропе; глубокие, мягкие складки цветной скатерти, — что от этой влюбленности в детали подчас страдает гармония целого.

Значительно менее зрелая работа — натюрморт Джона Агаяна. Он слабо организован и плоскостен, однако в длинной золотой дыне и красно-желтом цветке, сообщающих основное звучание всей вещи, много солнца, горячего южного полдня, непосредственной экзотики.

Совсем в ином роде суровый по колориту, написанный суховато, но с большим вкусом натюрморт А. Васнецова. Этот молодой художник пробует себя в самых различных жанрах, начиная с многофигурной (неудачной, кстати сказать) композиции «Партизаны» и кончая портретом и пейзажем. Зимний пейзаж Васнецова красив и лаконичен. Он принадлежит, на наш взгляд, к числу лучших акварелей выставки, хотя художника можно упрекнуть в излишнем стремлении к стилизации.

Из пейзажей запоминается также прозрачная акварель Ю. Хропака, хорошо передающая воздух городской весны.

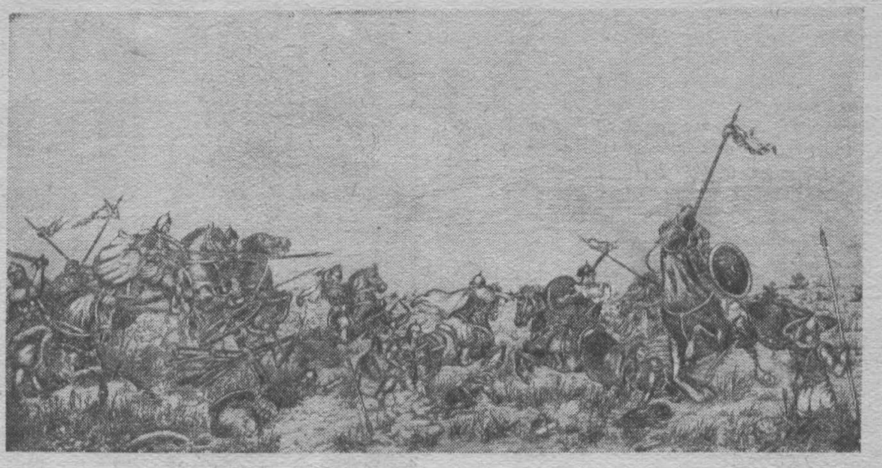
Богаче других представлен на выставке А. Дубинчик. Его многочисленные акварели изящны; это не случайные зарисовки природы: в них заметно стремление художника уравновесить части, подчинить изображаемое одному замыслу, одному настроению. Дубинчик тяготеет к легким, нежным, воздушным краскам, полутонам; на акварельных его пейзажах лежит заметное влияние французских импрессионистов. Но во внешней законченности работ этого юного живописца ощущается подчас некая поверхностность восприятия, какое-то кокетство «мастерством». По-настоящему хорош выразительный и взволнованный «Рисунок тушью», дающий ощущение романтики моря.

Картина Дубинчика «Выпускники» мало удачна из-за мрачности колорита, неподвижности фигур и какой-то искусственно замкнутой, чрезмерно «круглой» композиции.

Вообще картины, то есть собственные красочные композиции, молодых художников, как и следовало ожидать, грешат еще слишком большими недостатками, чтобы ими можно было любоваться непосредственно, без «скидки» на возраст. Попадаются среди них вещи, совсем еще детски беспомощные, помещенные на выставке, должно быть, только ради темы. Но по большей части картины эти свидетельствуют об упорном труде и тщательном изучении старых и новых мастеров.

Участники выставки в Государственной Третьяковской галерее: А. Васнецов — 15 лет (слева), Е. Сапиро — 17 лет (второй справа) и А. Дубинчик — 17 лет (справа) — делятся впечатлениями о выставке со своим руководителем А. М. Михайловым (второй слева).

«Куликовская битва».
Рисунок пером и тушью Л. Гоцлавского, 12 лет.

В картине «Самолеты летят» Е. Сапиро удались освещение и ветер, врывающийся в комнату. Мало выразительны обе боковые фигуры композиции. Всем троим, смотрящим в окно, недостает того объединяющего их устремления, единого порыва, который сообщил бы динамическую целостность всей вещи. Тем не менее работа Сапиро — одна из удачнейших, оригинальных композиций выставки.

Портрет девушки.
Работа А. Карякина, 15 лет.

Очень хороши «Колхозники» четырнадцатилетнего А. Ницберга. В этой небольшой по размеру картине превосходно и сдержанно передана атмосфера знойного солнечного дня, как бы насыщенного радостным трудом. Глядя на поле, на дорогу, по которой движутся подводы и машины, вы слышите звуки гармони и песни, скрип колес, чувствуете запах разогретых солнцем колосьев. Крупным недостатком этой, безусловно, удавшейся вещи является плохо написанное небо.

Молодые живописцы, представленные на выставке, по складу и характеру своего художественного воспитания — реалисты. Материалом для их творчества служат наблюдения над непосредственно окружающим, знакомое, близкое. Такой характер отбора, повидимому, поощряется и художественными руководителями. Это само по себе прекрасно и является отличным средством борьбы с «литературно-живописными» шаблонами. Но... Но иной раз хотелось бы от подростков большей дерзости, большего размаха фантазии, воображения, — словом, того, что отличает безудержное творчество их младших братьев и сестер.

И поэтому с особой радостью смотришь прекрасный, смелый рисунок Л. Гоцлавского «Куликовская битва», где двенадцатилетний художник дает волю своему воображению, ухитряясь не порывать с исторической правдой. С помощью сравнительно немногочисленных фигур Гоцлавский сумел создать впечатление напряженного боя, где героически дерутся не только люди, но и мощные былинные кони с развевающимися гривами, где русские воины, даже умирая, даже сраженные, стремятся вперед. В рисунке Гоцлавского ощущается широкое дыхание эпоса. К сожалению, этот рисунок на выставке чуть ли не единственный образец подобного жанра.

В работах молодых скульпторов фантазии предоставлена более значительная роль. Ваятелей занимают литературно-сказочные мотивы, подчас воплощенные в ребячески неуклюжих группах, подобно «Руслану и Черномору» двенадцатилетнего Ю. Стручкова, подчас отлитые в довольно точные формы. Совсем неплох «Витязь в тигровой шкуре» Севы Ротштейна. Скульптура изображает схватку героя с тигром.

Одна из лучших скульптур выставки — «Седов» Гени Эриста, сильно и динамически передающая героизм и трагическую обреченность Георгия Седова и его товарищей.

Из работ на современные темы привлекает внимание «Машинист» Натана Левянта. Подкупает экономия средств, с какой молодой скульптор характеризует своего героя: его собранность, напряжение, железную волю. Исполнена движения фигура лыжника, вылепленная четырнадцатилетней Светланой Островской.

Почетное место на выставке справедливо занимает художественная вышивка. О хорошем вкусе и тонком чувстве цвета свидетельствуют ковер блеклых тонов работы Володи Матвеева и нарядные, красочные панно Оли Масловой и Люси Ермохиной. Превосходна по выполнению и замыслу романтическая «Песня о буревестнике» Ларисы Дрожжиной. Шитые пейзажи Раи Чечеткиной и Нюры Козловой интересны, но чересчур мозаичны и распадаются на пестрые отдельные части.

Трудно, да и не к чему гадать о будущности участников выставки. Некоторые из них, повидимому, считают — и вправе считать — искусство основным делом своей жизни. Для большинства оно останется побочным занятием. С уверенностью можно сказать одно: какой бы вид деятельности ни избрали впоследствии молодые художники и скульпторы, какой бы профессией они ни занимались, — расходы времени и энергии, затраченные на искусство, окупятся полностью. Приобретенные навыки, привычка к упорному труду, вниманию и зоркому вглядыванию в действительность найдут применение в любой области социалистического творчества.

Вверху: «Георгий Седов», работа Г. Эриста, 15 лет; «Пейзаж», работа А. Васнецова, 15 лет. Внизу: «Самолеты летят», работа Е. Сапиро, 17 лет; «Лыжник», работа С. Островской, 14 лет.

Э. Гард

ПОТОМКИ ИВАНА СУСАНИНА

В Костроме в 1851 году был открыт памятник Ивану Сусанину.

Гранитную колонну увенчали бронзовым бюстом царя Михаила Федоровича, а у подножья поставили фигуру бородатого крестьянина.

Деньги на сооружение памятника собрали по подписке. Исправники и урядники, попы и старосты понуждали крестьян к пожертвованию, выжимали по копейкам. Подписка растянулась на семнадцать лет.

Только некоторые деревни близ Костромы не внесли ни копейки. И ничего с ними нельзя было поделать: это были деревни «белопашцев», наделенных особыми льготами: ни исправник, ни даже губернатор не имели права въезда в пределы Коробова — вотчины «белопашцев». Впрочем, и ехать туда с подписным листом не стоило: коробовские крестьяне, кроме старосты-кулака, были нищие, вымирали.

«Белопашцы» — по-народному «беляне» — прямые потомки Ивана Сусанина, который, спасая родину от польских интервентов, вторгшихся в пределы Руси, завел польский отряд в непроходимую лесную чащу. Враги «пытали его великими, непомерными пытками» и «замучили его до смерти».

Через семь лет после гибели Сусанина зять его Богдан Сабинин получил от царя Михаила Федоровича «за кровь и терпенье тестя его» земли и «обельную грамоту». Грамота освобождала потомство Ивана Сусанина от податей и повинностей. Впоследствии к этому была прибавлена еще льгота: никакое начальство не смело въезжать в Коробово без особого на то разрешения. Вот какая честь была оказана потомкам народного героя! Но «что за честь, коли нечего есть»! По преданию, эта пословица сложилась именно «белопашцами». Дело в том, что потомство Сусанина из года в год росло, никуда от земли не уходило, чтобы не потерять льгот, а дарованная земля не увеличивалась.

По смерти Богдана Сабинина остались вдова его Антонида, дочь Сусанина, и двое ее сыновей: Даниил и Константин. От этих внуков Ивана Сусанина и пошли два колена «белопашцев». Дарованные им земли неоднократно пытались отбирать бояре и монастыри.

В 1767 году «белопашец» Василий Сабинин «бил челом» Екатерине о подтверждении грамот, жалуясь, что сусанинцы вымирают от тесноты, голода и обид. Тогда их насчитывалось 153 человека. В 1834 году, когда начался сбор на памятник, их было уже 226 человек, а земли — всего 98 десятин, причем четвертая часть пашни и лугов принадлежала старосте; должность эта считалась у «белопашцев» наследственной. Староста был кулак, его семья из семи человек занимала три дома, владела лучшей землей и пользовалась особыми правами.

А рядом, в жалких избенках, теснились все прочие сусанинские потомки — нищие, темные, одичавшие. Надел земли у них был так мал, что иные не могли косить на своей земле: каждый взмах косы захватывал соседский надел. Приходилось пользоваться землей поочереди, через два года в третий каждый очередной скашивал вязанку пуда в два. Наделы измерялись уже вершками.

От голода и нищеты «белопашцы» уходили в города грузчиками, портняжничали, нанимались батраками в соседние деревни. Из 306 «белопашцев» в 1905 году только 3 были кое-как грамотны.

Но народные герои не перевелись на родине Сусанина. Во время гражданской войны «белопашцы» сражались в рядах Красной Армии. Пятнадцать парней из деревни Красный перевоз погибли на фронте геройской смертью. Были среди «белопашцев» коммунисты. Один из них, партизан И. И. Лебедев, повторил подвиг своего великого прадеда: попав в плен к белым, Лебедев под пытками не выдал врагу расположения красных войск. Еле живого крестьяне отбили его. Лебедев был награжден орденом Красного знамени...

Живы и сегодня потомки Ивана Сусанина. И деревни его стоят там же. Старики со слов дедов и прадедов указывают даже место — Исуповское болото, — куда Сусанин в 1612 году завел поляков и где принял мученическую смерть.

Потомки Сусанина — Сабинина после революции, не удерживаемые никакими «обельными грамотами», расселились по всем районам. Бывших «белопашцев» можно встретить и в Молвитинском районе, где расположена деревня Деревнища, откуда родом сам Иван Осипович Сусанин, и в Буйском, и в Костромском. По приблизительному подсчету, бывших «белопашцев» сейчас около 300. Есть среди них и Сабинины, и Тихомировы, и Лебедевы.

Жизнь их стала иной.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка ярко и образно отразила, чем живет сегодня наша родина. И здесь мы видим родину Ивана Сусанина в наши дни.

На Выставке, в зале Ярославской области (Павильон центральных областей РСФСР), перед посетителем открываются богатства огромной области — родины Некрасова, родины Ивана Сусанина.

Цифры оживают в макетах, плакатах, фото, великолепных образцах льна, овощей, пшеницы. Какое богатство! Оказывается, картофель или лук могут быть красивы, а снопы льна — нежны, как волосы ребенка.

А в Павильоне животноводства тучные коровы — знаменитые ярославки; овцы прославленной романовской породы — будущие романовские полушубки, валенки, фуфайки, носки, шапки; свиньи, записанные в «Племенную книгу», стаи домашних птиц.

А ведь в этих местах некогда пели:

«У невесты нашей Шуры
Нет ни лошади, ни куры,
Был цыпленочек живой —
Его поп забрал домой!..»

Каждый район, каждый колхоз, как водится, славится чем-либо своим. В Молвитинском районе, где расположены сусанинские родные деревни, овцеводческая ферма колхоза «Красный блеск» занесена в «Книгу почета» Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 года. В колхозе «Новая победа» имени Фрунзе замечательные свиноводческие фермы также вписаны в «Книгу почета».

Интересны успехи колхоза «Красный коллективист», Некрасовского района, родины великого русского поэта. Деревни, входящие в этот колхоз, некогда бескоровные, бедные, славятся сегодня молочной фермой. Здесь знаменита мировая рекордистка — корова «Золотая»; ее фото появлялись в заграничных журналах. И все ее потомство замечательно: и дочь «Флорида» и внучка «Ромашка» дают в день больше молока, чем давало целое стадо былой деревушки этого района. Эти коровы-рекордистки перекрыли удой американской коровы «Сегис». А «Сегис» затмила в Америке своей славой самых модных «кинозвезд». Корове поставили памятник работы известного скульптора Вильяма Петера. На памятнике надпись: «Здесь жила и отдалась служению человечества «Сегис Пьетердж Проспект», мировой чемпион — молочная корова».

И вот «Золотая» отбила у «Сегис» ее лавры...

Сусанинские деревни: Деревеньки, Домнино, Красный перевоз, Голодайка, Слабеево, Коробово — сейчас организованы в колхозы. В одном из колхозов — имени НКВД — замечательная коневодческая ферма, которой заведует Тихомиров, потомок Сабинина — Сусанина. Недалеко, в Костромском районе, Шунгенский сельсовет, объединяющий 4 колхоза. Весь сельсовет передовой и занесен в «Книгу почета».

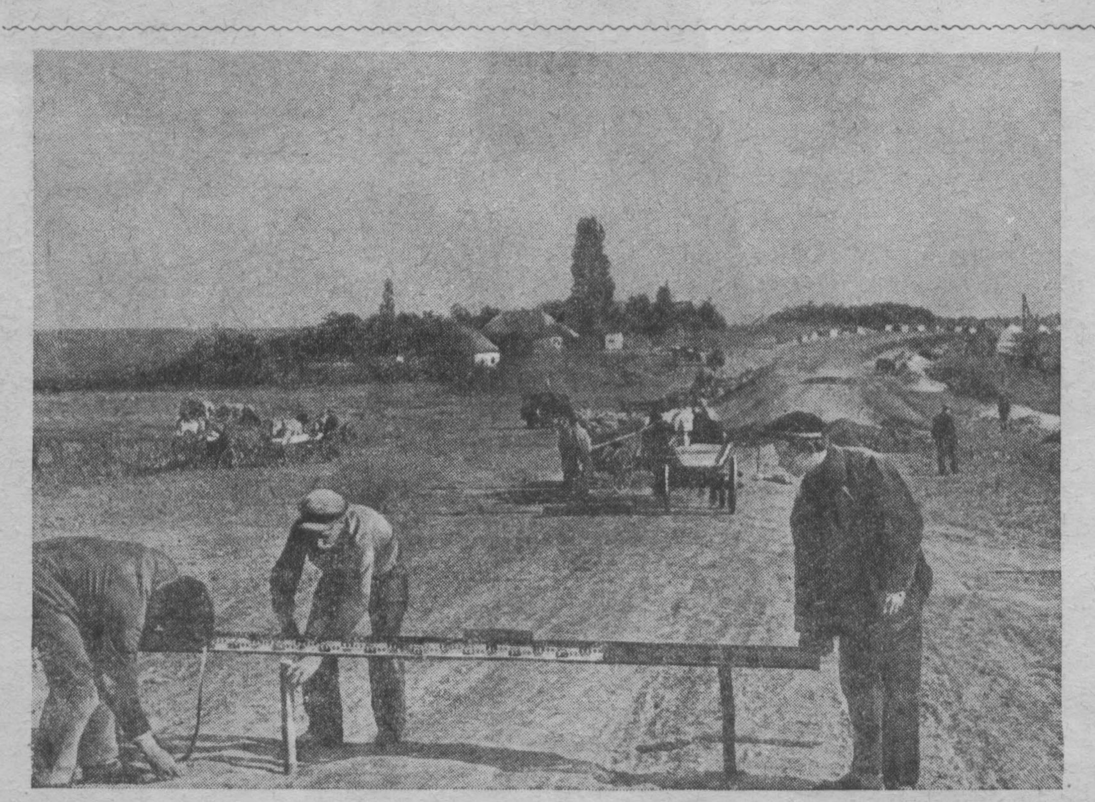
Когда-то в Шунгенском селе работало батраками немало «белопашцев», ушедших от своих «льгот» в поисках хлеба. С образованием колхозов, в которые вошли и батрачившие раньше «белопашцы», жизнь стала зажиточной и веселой.

В колхозах агропункт, лаборатория, поликлиника, детские ясли, 3 школы, клуб, театр, библиотека, почта. Есть радиоузел и электростанция, универмаг, ресторан и парикмахерские. Колхозники выписывают 837 газет и 140 журналов.

Старики говорят:

— Никуда не ехали, а в город переехали.

И ведь в самом деле, 4 колхоза Шунги — это уже не деревня, а город и не какой-нибудь заштатный, захудалый городишко, а настоящий культурный город. Торгуют магазины, работает почта, идут занятия в школах. Улицы освещены электричеством, обсажены деревьями, как бульвар. И прохожие одеты по-городскому. Проносятся рысаки, велосипедисты, грузовики...

Колхозники Полтавского, Диканьского и Опошнянского районов (Полтавская область) строят дорогу Полтава — Опошня протяжением в 45 километров. *Фото А. Кекало (ТАСС)*

БУДУЩИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ

Фотоочерк Е. Пиотрковского

Море... Флот... Походы... Плавания... Как увлекательно и интересно! Советская молодежь любит свой славный Военно-Морской Флот. Стать моряком — мечта многих юных патриотов.

При домах пионеров, в добровольных спортивных обществах, в школах — повсюду имеются кружки по изучению военно-морского дела. Под руководством опытных инструкторов ребята детально знакомятся с тем, что их интересует. Сдав минимум на значок «Юный моряк», они поступают в одну из групп: связистов, штурманов, строевиков.

Теоретические занятия проводятся в специальных, прекрасно оборудованных лабораториях. В одной из таких лабораторий, находящейся в Московском доме пионеров, занимается ученица 9-й группы Зоя Кочеткова. На снимке: Зоя «берет пеленг».

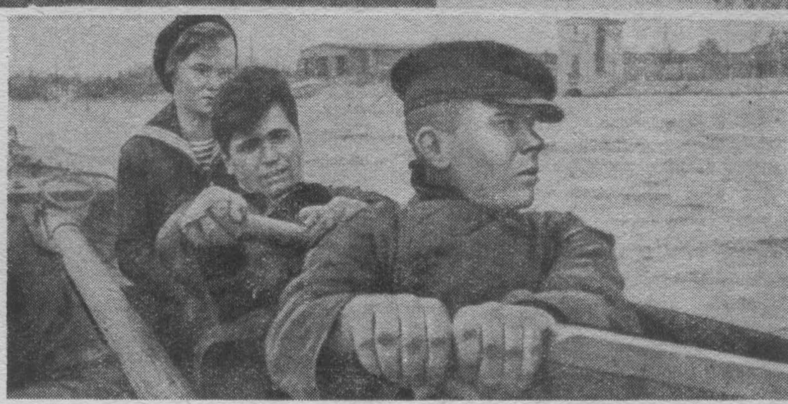
←

В саду Московского дома пионеров также кипит оживленная работа. Молодые связисты изучают «семафор» — морскую азбуку.

→

Несколько раз в шестидневку пионеры отправляются на канал Волга—Москва, где проходят занятия на шлюпках.

Хождение на веслах вырабатывает выдержку и уменье с наименьшей затратой сил достигать наилучшего результата.

«Навал!» — командует капитан, и дружные, сильные удары весел заставляют шлюпку нестись быстрее.

Вот группа молодых осоавиахимовцев на шлюпках под открытым небом слушает лекцию своего преподавателя.

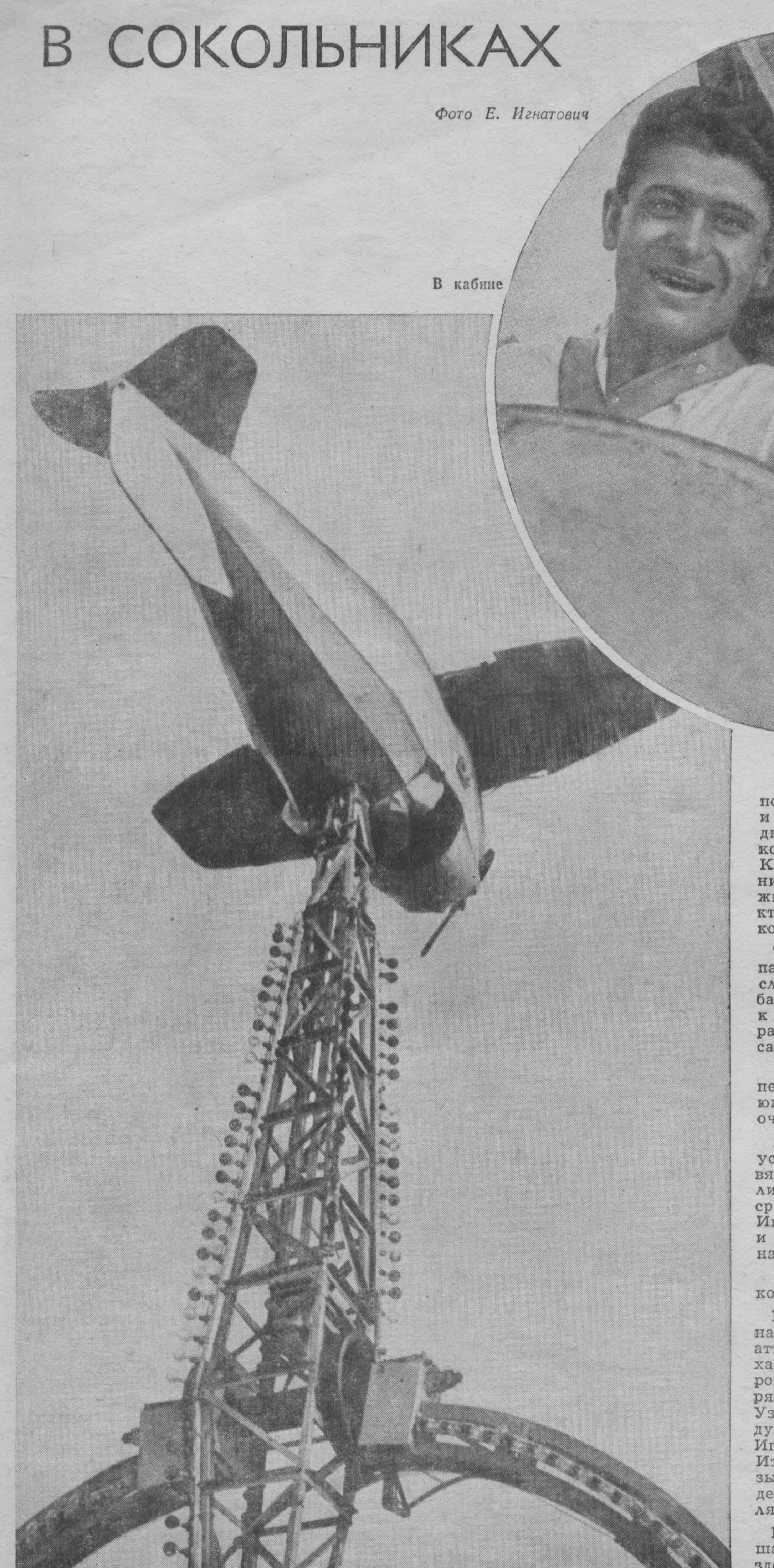
←

Особенно увлекательно хождение под парусом при ветре в 3—4 балла. Здесь юным морякам необходимо быть особенно зоркими и уметь быстро ориентироваться в трудной обстановке. Налетел внезапный ветер, яхта почти черпает воду. Юный рулевой внимательно следит за парусами, команда быстро и четко выполняет его приказания.

В СОКОЛЬНИКАХ

Фото Е. Игнатович

В кабине

Аттракцион «мертвая петля»

Трамваи, автобусы, поезда метрополитена подвозят потоки москвичей в Сокольнический парк культуры и отдыха. Особенно многолюдно здесь в воскресные дни. Приезжают небольшими группами и целыми коллективами. Музыка и песни наполняют парк. Каждый вечер, когда спадает дневная жара, Сокольники живут веселой, взбудораженной, стремительной жизнью. Темнеет, зажигаются фонари, пестрые электрические лампочки рассыпаются в темноте короткого летнего вечера.

Толпы гуляющих направляются к аттракционам парка. Вокруг высокой башни, падая и поднимаясь словно на волнах, летают лодки. А рядом с этой башней взмывает в воздух самолет. Он прикреплен к прочной металлической конструкции, украшенной разноцветными лампочками. Сделав два оборота, самолет «приземляется».

— Ничего страшного, обыкновенная «мертвая петля»,—говорят только что вышедшие из кабины юноша и девушка товарищам, ожидающим своей очереди.

Аттракцион «мертвая петля» пользуется большим успехом у отдыхающих. Среди стоящих за его деревянным барьером можно увидеть людей самых различных: совсем молодых школьников, людей сравнительно пожилых, студентов, красноармейцев. Иногда для веселья, шутки ради, садятся в кабину и пилоты, чье летное мастерство отмечено высокой наградой — орденами Советского Союза.

— И вам не страшно?—встречают их улыбкой те, которым еще предстоит «полет».

В Сокольническом парке, как и в других парках нашей страны, устраиваются игры, развлечения, аттракционы. Сокольники—излюбленное место отдыха и развлечений москвичей. Ровные широкие дорожки среди густой травы. Тенистые аллеи. Густые ряды скамеек перед открытыми летними эстрадами. Узкие тропинки, протоптанные среди зарослей, ведут в прохладную зелень к тенистым деревьям. Игры и развлечения всегда привлекают посетителей. Известно что игры и развлечения зачастую подсказываются жизнью. Любовь и страсть советских людей к авиации объясняют огромный успех и популярность аттракциона «мертвая петля».

И кто знает, может быть, здесь тысячи людей решат посвятить себя самолетовождению? Может быть, здесь начнется славный путь будущих замечательных летчиков и летчиц могущественной авиации Советской страны?

В ОККУПИРОВАННОМ ПАРИЖЕ. При приближении к Парижу, пишут иностранные корреспонденты, побывавшие во французской столице в конце июня, сразу чувствуются следы войны. Срублено огромное количество вековых деревьев, украшавших шоссе. Это была попытка забаррикадировать путь германским моторизованным колоннам. У самого въезда в город зияют воронки, образованные авиобомбами большой разрушительной силы.

Предместья между аэродромом Ле Бурже и центром города пусты. С 9 часов вечера населению Парижа предписано не отлучаться из домов.

Центр города обезлюдел. Правительственные здания, предприятия, аристократические особняки пустуют. Свыше трети парижского населения эвакуировалось из столицы. Эвакуировалось не по приказу властей, как это имело место в северных и восточных департаментах, а главным образом вследствие паники, охватившей город. Сплошь и рядом попадаются дома, опустевшие с первого этажа до самого верха, изредка из дверей показывается одинокая фигура портье.

Площадь Согласия. Над первоклассным отелем «Грийон», одним из лучших в Париже, как и над многими другими общественными зданиями, развевается германский флаг со свастикой. Отель «Грийон» известен тем, что в нем в 1919 году жил американский президент Вильсон со своими советниками; здесь вырабатывался устав Лиги наций. Теперь все номера заняты немецкими военными. Представителям печати приходится странствовать по городу, получая в каждой новой гостинице стереотипный ответ: «Свободных мест не имеется».

За редким исключением, отели, гостиницы, номера для приезжающих оставлены своими владельцами. Бежал также обслуживающий персонал, включая гарсонов из ресторана и поваров; бездействуют лифты и ванные.

«С большим трудом,— пишет корреспондент эссенской газеты «Националь цейтунг»,— мне удалось устроиться в одном шикарном отеле на Елисейских полях. Приходится самому доставать себе постельное белье и полотенце из отельного инвентаря, самому отправляться на кухню и в винный погреб. Там еще сохранились запасы продуктов, так что можно обеспечить себя на ближайшие дни ветчиной, сыром, колбасой. Хлеб — редкость, ибо пекаря бежали вместе с остальными служащими. А в общем для людей, любящих полакомиться, Париж — ныне место не подходящее».

Триумфальная арка, Эйфелева башня и гробница Наполеона — эти три достопримечательности Парижа вызывают большой интерес у немецких солдат, знакомящихся с французской столицей.

Обращает на себя внимание, пишут иностранные журналисты, изобретательность и исключительная заботливость, которые были проявлены во время войны, чтобы уберечь произведения искусства и исторические памятники Парижа от возможной воздушной бомбардировки. Перед порталами Собора Парижской богоматери с его знаменитыми статуями-химерами высятся пятнадцатиметровые баррикады, сооруженные из мешков, наполненных песком. Эти баррикады держатся при помощи хитроумной металлической конструкции. Обелиск, привезенный Наполеоном из Люксора в память об его египетском походе, до самой своей вершины окутан плотным «чехлом» из таких же мешков.

Ныне по распоряжению немецких властей происходит освобождение этих памятников и зданий от защитного покрова, и во Дворце Инвалидов из-под мешочных пластов снова предстала взорам посетителей гробница Наполеона.

Городской транспорт почти не функционирует: отсутствует обслуживающий персонал; почти все такси, которых насчитывалось в мирное время великое множество, выбыли из строя. Метро работает с большими перебоями.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПОЛКОВНИКА ВИЛЬЯМСА. Английский полковник-лейтенант прожекторного полка Х. Ф. Л. Вильямс совершил тяжкое нарушение воинского устава и попал под суд.

В чем заключалось преступление злополучного полковника? Ответ на это мы находим на страницах английских буржуазных газет, поместивших отчет о процессе. Оказывается, полковник-лейтенант уронил свое офицерское звание. Он пал так низко, что поддерживал дружеские отношения с «нижним чином» — сержантом Никольсоном — из того же полка. Больше того: он поселил Никольсона у себя на квартире!

На суде полковник Вильямс заявил в свое оправдание, что дружба его с Никольсоном, которого он помогал растить и воспитывать, началась задолго до нынешней войны. Судом было также установлено, что Вильямс заявил старшему по чину офицеру, что выдвинутое против него обвинение смехотворно, так как Никольсон — его приемный сын, которого он сам записал в полк.

Защитник Шуокросс в заключительном слове сказал, что обвинять полковника Вильямса в серьезном преступлении просто абсурдно. Можно еще говорить о неосмотрительности, неосторожности его, но попытки доказать, что он повинен в серьезном преступлении, нанесут больший ущерб дисциплине и доверию населения к армии чем какой бы то ни было из проступков полковника Вильямса.

Майор Х. Хальс, прокурор, заявил, что поблизости от деревенского коттэджа, в котором иногда жили полковник и сержант, стоит другой полк. «Что могут подумать солдаты этого полка, видя командира, подъезжающего на машине с сержантом, которого он называет «Эрик» или «Ник»?»

Судья К. Дж. Стирлинг в заключительном слове сказал, что суд должен был рассмотреть вопрос о том, не умаляет ли поведение полковника его авторитет в глазах полка.

Газеты не указывают, чем кончился этот процесс и какой приговор был вынесен Вильямсу.

ИТОГ ДВУХ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ СБОРОВ. В Англии по радио было объявлено одновременно о проведении двух благотворительных подписок: на нужды Общества покровительства животным и на нужды Общества охраны детей от жестокого обращения. Первая подписка дала свыше 18 тысяч фунтов стерлингов, вторая... 183 фунта стерлингов.

«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» ПО-АНГЛИЙСКИ. Лондонское издательство «Аллен энд Энуин» выпустило недавно в переводе на английский язык «Героя нашего времени» Лермонтова. В рецензии на это издание, помещенной в газете «Сэндей таймс», отмечаются высокое мастерство Лермонтова, исключительная четкость и прозрачность его стиля. Рецензент указывает, что строгое изящество языка Лермонтова чрезвычайно затрудняет его адэкватный перевод (так же, как и перевод Пушкина): переводчику трудно передать те оттенки, те «опущения» и «умолчания», которые составляют прелесть их стиля и свидетельствуют о требовательном и строгом вкусе. По мнению рецензента, новый перевод «Героя нашего времени» более удачен чем предыдущие (переводчики — Идэн и Сидэр Пол).

ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ

ЧЕТЫРЕ ДЕСЯТЫХ СЕКУНДЫ. Лучший советский митльштрекер московский динамовец А. Пугачевский в прошлом году улучшил всесоюзные рекорды всех четырех митльштрекеровских дистанций, значительно приблизив эти рекорды к мировым.

1500 метров Пугачевский пробежал в 3 минуты 56,6 секунды. Лучшее время на этой классической дистанции средневиков в 1939 году показали только три человека в мире: американец Райдалт — 3 минуты 51,5 секунды, немец Мильхозе — 3 минуты 52,4 секунды и голландец Дерюйтер — 3 минуты 56 секунд.

Однако и в нашей стране у Пугачевского имелись опасные соперники. Одним из них был С. Пржевальский. В первый раз этот спортсмен, тогда еще краснофлотец, выступил на всесоюзном соревновании в 1936 году. Он показал себя хорошим бегуном и на средних и на длинных дистанциях. Но молодому атлету не повезло: в 1937 году он заболел и последующие годы почти не выступал. И вот 30 июня 1940 года на московском стадионе «Динамо» Пугачевский встретился с Пржевальским. В победе москвича никто не сомневался. Пугачевский повел бег и 1400 метров шел впереди, но на последней прямой ленинградец обошел чемпиона страны. Старый рекорд был побит. Пржевальский пробежал 1500 метров в 3 минуты 56 секунд.

Этот рекорд продолжался всего неделю. Уже в следующее воскресенье, на очередных соревнованиях, Пугачевский снова вернул себе звание лучшего митльштрекера страны. Интересно отметить, что и при проигрыше и при последнем выигрыше все дело было решено четырьмя десятыми секунды. Новый рекорд, установленный 7 июля Пугачевским, равен 3 минутам 55,6 секунды.

ТРИНАДЦАТАЯ НИЧЬЯ. Ежегодные матчи сборных футбольных команд Москвы и Ленинграда стали хорошей традицией в спортивной жизни нашей страны. Первый такой матч состоялся в 1907 году, последний — только на днях. На протяжении тридцати трех лет сборные команды встречались между собой пятьдесят один раз. Восемнадцать раз побеждали ленинградцы, двадцать один — москвичи, и двенадцать раз встречи заканчивались вничью. В этом году матч сборных команд приобретал особый интерес. Все последние годы в розыгрыше различных футбольных соревнований ленинградцы выступали неудачно. В текущем сезоне они подтянулись и провели весь первый круг всесоюзного первенства с исключительным успехом. В частности, ленинградское «Динамо» выиграло матчи почти у всех московских команд.

В сборных командах этого года и Москва и Ленинград выставили свои лучшие составы. Спортивную честь красной столицы защищали такие известные мастера кожаного мяча, как Якушин, Кочетов, Соловьев, Соколовы, Кочетков, Федотов, а Ленинграда — Набутов, Орешкин, Зябликов, А. Федоров, Шелагин.

Игра от начала до конца была острой и динамичной. И хотя пятьдесят вторая встреча сборных закончилась вничью (1 : 1), ленинградцы доминировали значительную часть матча. Их линия нападения играла активнее и опаснее чем московская, и только благодаря блестящей игре центра полузащиты Москвы Кочеткова и московского вратаря Кочетова сборная красной столицы избежала поражения.

ЧЕМПИОН ЧЕМПИОНОВ. У борцов почетное звание абсолютного чемпиона обыкновенно завоевывают тяжеловесы, и это не удивительно, ибо на их стороне физическая сила, рост, вес.

Константин Коберидзе внес в это неписанное правило серьезную поправку. Он стал абсолютным чемпионом Советского Союза, хотя и был среди двенадцати претендентов, оспаривающих это звание, наиболее «легким» борцом. Кое-кому выигрыш Коберидзе казался случайным. Однако это было не так. Совсем недавно Константин Коберидзе участвовал в соревнованиях борцов тяжелого веса. По составу это было наиболее серьезное соревнование тяжеловесов за последние годы. В нем участвовали лучшие борцы добровольных спортивных обществ: Сенаторов, Гонжа, Плясуля, Мачкалян и выдающиеся борцы цирка: Куксенко (Ян Цыган), Мазур, Емельянов.

Борьба за первое место была упорной. Несмотря на это ее выиграл представитель не тяжелого, а полутяжелого веса. Таким образом, сейчас Константин Коберидзе — не только абсолютный чемпион страны, но и чемпион французской борьбы тяжелого веса, чемпион полутяжелого веса и чемпион по борьбе вольного стиля.

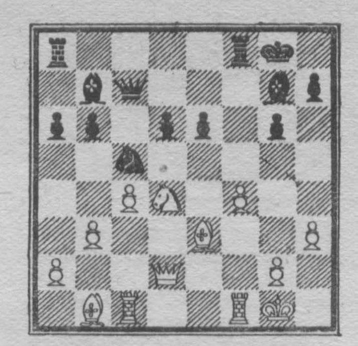
Константин Коберидзе — еще совсем молодой спортсмен. Ему всего 23 года. Борется он с детских лет. Братья Коберидзе были в свое время лучшими борцами грузинской борьбы в Кахетии.

ШАХМАТЫ

Под редакцией гроссмейстера А. Котова

Полуфинал шахматного первенства СССР, проведенный в Киеве, начался стремительным движением вперед молодого львовского шахматиста Эдуарда Герстенфельда. После 6 туров он имел 5 очков, не проиграв ни одной партии. Тов. Герстенфельд— талантливый шахматист, блестяще рассчитывающий комбинационные осложнения и вместе с тем обладающий незаурядной шахматной техникой. Его партии в этом турнире с мастерами Дубининым, Рудаковским, Гольдбергом протекали в острой борьбе, изобиловали оригинальными комбинациями. Молодость тов. Герстенфельда (ему 25 лет), его комбинационные способности и хорошее понимание шахматных позиций позволяют предсказывать ему большое шахматное будущее. Приводим окончание его партии с Дубининым как пример тактического мастерства Герстенфельда.

В позиции диаграммы белые, точно рассчитав варианты, идут на головоломные осложнения, кончающиеся в их пользу.

1. b3—b4 e6—e5

Иначе теряется пешка e6.

2. f4 : e5 d6 : e5

3. Kd4—f5! . . .

Это создает черным сильные, связанные пешки на королевском фланге, которые они могут использовать для атаки. Однако Герстенфельд точно учел последствия атаки черных и в дальнейшем добивается решающего преимущества, используя свои проходные пешки на ферзевом фланге.

3. . . . g6 : f5

4. b4 : c5 f5—f4

5. c5 : b6 Фc7—c6

Плохо 5...f : e 6. Фc2, и черным нужно сдаться.

6. Фd2—c2 Лf8—f5

7. Лf1—f3! . . .

Оригинальное взаимное перекрытие ладьями матовых «батарей», расположенных по диагоналям.

Теперь несколькими ходами белые отражают тактические угрозы противника.

7. . . . Лf5—h5

8. Ce3—f2 Лa8—f8

Угрожая 9. e5—e4. Если бы черные сразу били пешку h3 8. Л : h3, то могло последовать 9. Фe4!! Фd7 (или 9... Фh6 10. Л : h3, без труда выигрывая). 10. Л : h3! C : e4 11. C : e4, и проходные пешки дают белым несложный выигрыш.

9. Лc1—e1 Лh5 : h3

10. Фc2—e2 . . .

Неплохой ход, но, вероятно, еще сильнее 10. Фe4! Фc8 11. Ф : b7 Ф : b7 12. Л : h3. На сделанный ход черным следовало отвечать 10... Лh5 11. c5 Фh6, сохраняя шансы на защиту.

10. . . . Лh3 : f3

11. Фe2 : f3 Фc6 : f3

12. g2 : f3 Лf8—c8

Не спасает и 12... C : f3 13. Ce4, после чего движение белых пешек решает партию.

13. Cb1—f5 Лc8—d8

Пешка c4 защищена ввиду угрозы 14. Ce6 +

14. Cf5—e4 Cb7 : e4

15. f3 : e4 Kpg8—f7

Позиция черных проиграна. Всю техническую часть партии Герстенфельд проводит так же точно, как и стадию, наполненную комбинационными осложнениями.

16. c4—c5 Kpf7—e6

17. c5—c6 Лd8—g8

18. Лe1—d1 Cg7—f8 +

19. Kpg1—f1 Cf8—d6

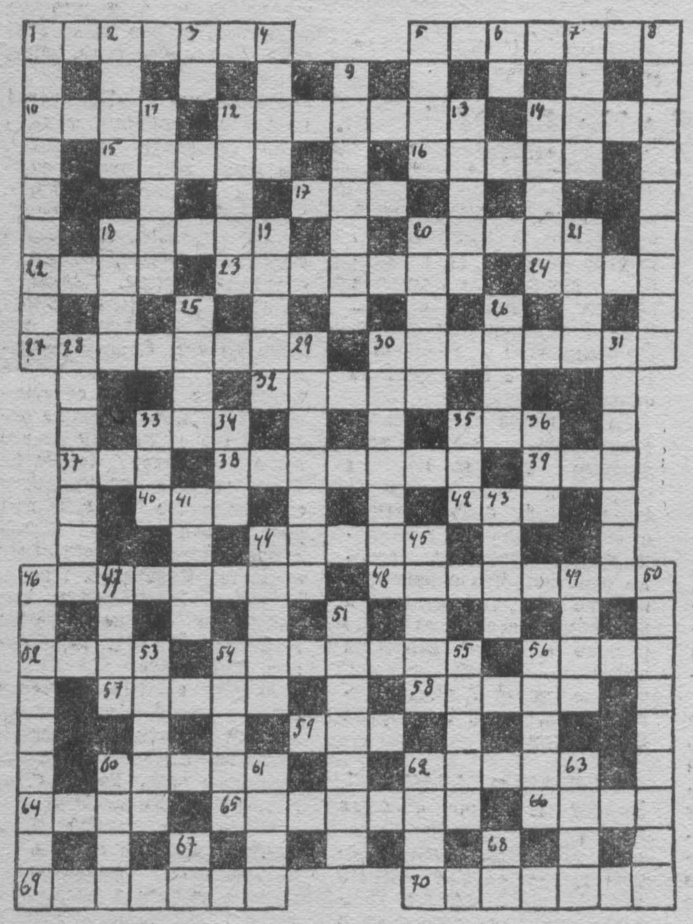
20. c6—c7 Kpe6—d7

Зевок фигуры, но от угроз 21. Cc5 и 21. Лc1 защиты не было.

21. Ce3—c5 — черные сдались.

КРОССВОРД

СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» А. Г. ГУЛИЕВ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Незаконченное произведение Моцарта.
5. Часть переплета.
10. Принадлежность туалета.
12. Парфюмерное изделие.
14. Полемика.
15. Сорт яблок.
16. Тактическое соединение марокканских войск в Испании.
17. Река в СССР.
18. Бег по пересеченной местности.
20. Силок птицелова.
22. Ваза.
23. Представитель тюркской народности.
24. Старинная испанская монета.
27. Профессия.
30. Провинция Западной Канады.
32. Наружная оболочка.
33. Греческая буква.
35. Автор «Утопии».
37. Порт в Финляндии.
38. Центр государства.
39. Марка советской автомашины.
40. Приток реки Шельды.
42. Геометрическая фигура.
44. Животное.
46. Гробница.
48. Небольшая статья об умершем.
52. Передвижение.
54. Изделие из фруктов.
56. Человек, безмерно увлекающийся всем модным.
57. Приспособление для ловли животных.
58. Болезнь.
59. Вклад в предприятие.
60. Украшение из цветов.
62. Шотландский романист.
64. Река в СССР.
65. Мать семейства в древнем Риме.
66. Процесс усиленного размножения клеток тела.
69. Редкое, выходящее из нормы явление.
70. Часть автомотора.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Работа постановщика спектакля или фильма.
2. Остров в Караибском море.
3. Отложения на дне водоемов.
4. Название первого месяца в древней Руси.
5. Остров в Средиземном море.
6. Нота.
7. Название духов.
8. Тип старинного судна.
9. Невестка.
11. Музыкально - драматическое произведение.
12. Порт во Франции.
13. Имя древнеримского поэта.
14. Церковь.
18. Имя известного норвежского писателя.
19. Кастрюля.
20. Хозяйственный инвентарь.
21. Дерево.
25. Место стоянки кораблей.
26. Река в Каталонии.
28. Насекомое.
29. Речь.
30. Название северного ветра у древних римлян.
31. Мука из овса.
33. Царь ветров в древнегреческой мифологии.
34. Летчик высшего класса.
35. Растение.
36. Невольник.
41. Древнеиудейский царь.
43. Рыбы.
44. Персонаж пьесы Горького «На дне».
45. Дерево.
46. Профессия.
47. Ископаемое.
49. Планета.
50. Британская морская крепость.
51. Испанский завоеватель XVI века.
53. Грузинский народный герой.
54. Сооружение для переправы через воду.
55. Болотная трава.
56. Обозревание.
60. Боец.
61. Персонаж библии.
62. Ломка.
63. Здравица.
67. Единица измерения электрического сопротивления.
68. Нота.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В ЖУРНАЛЕ «ОГОНЕК» № 20.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Молох. 9. Гараж. 11. Балык. 13. Кох. 14. Багаж. 16. Пафос. 18. Раб. 19. Моном. 21. Карат. 23. Комар. 25. Василек. 28. Дукат. 30 Тир. 31. Локомотив. 33. Луч. 34. Надир. 36. Кит. 37. Ребус. 39. Полет. 40. Поток. 42. Топор. 44. Мор. 45. Метол. 47. Капер. 49. Куб. 50. Барак. 51. Порох. 52. Лот. 54. Газон. 56. Болид. 57. Вол. 58. Пилот. 60. Салат. 62. Нигер. 64. Багор. 66. Пир. 67. Канат. 68. Леф. 69. Резонатор. 72. Век. 74. Литер. 76. Вареник. 77. Мороз. 78. Табун. 80. Томат. 82. Фон. 84. Донос. 86. Банан. 87. Меч. 88. Носок. 89. Сатин. 90. Кефир.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Мох. 2. Собор. 3. Паж. 4. Сап. 5. Фасад. 6. Сыр. 7. Молот. 8. Хан. 9. Гамак. 10. Жакет. 11. Бор. 12. Калач. 15. Говор. 17. Факир. 19. Марал. 20. Лимит. 22. Тулуп. 24. Минор. 26. Сокол. 27. Лоток. 29. Кусок. 31. Литератор. 32. Ветеринар. 35. Демагог. 38. Бородин. 39. Потоп. 40. Покос. 41. Капот. 43. Рупор. 46. Таз. 48. Пол. 53. Тибет. 55. Напор. 56. Баран. 57. Ветер. 59. Лафет. 61. Линек. 63. Гавот. 65. Ревун. 67. Кокон. 68. Лимон. 70. Занос. 71. Титан. 73. Копер. 75. Радон. 77. Манеж. 79. Бок. 81. Мак. 83. Нож. 85. Сак. 86. Бич. 87. Миф.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Адрес редакции: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Тел. К 2-96-12, К 4-28-45. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275 × 360 мм. 1/8 доля, 1½ бум. листа Техредактор А. Котельникова.

Уполн. Главлита А—29842 Изд. № 730. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 13/VI—40 г. Подписано к печати 16/VII—40 г. Зак. 2157. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Вниманию всех партийных организаций, партработников, членов и кандидатов партии.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1940 г.
НА ЖУРНАЛ ЦК ВКП(б)

„ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО“

«ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО» — журнал ЦК ВКП(б) — вооружает каждого коммуниста, каждого партийного работника ленинско-сталинским учением о партии и партийном строительстве, освещает опыт партийной работы.

«ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО» — печатает статьи, консультации, обзоры — в помощь изучающим историю ВКП(б), марксизм-ленинизм.

«ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО» — систематически печатает постановления ЦК ВКП(б).

«ПАРТИЙНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО» — ведет постоянные отделы: партийно-организационная работа, партпропаганда и агитация, работа с кадрами, жизнь местных парторганизаций, международный обзор, критика и библиография.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес. — 90 к. на 3 мес. — 2 р. 70 к.

Продолжается ПОДПИСКА на 1940 год

НА ЖУРНАЛ

„БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПЕЧАТЬ“

Журнал **«Большевистская печать»** — издание ЦК ВКП(б), выходит 2 раза в месяц.

В журнале печатаются руководящие статьи по всем отраслям работы большевистской печати, обобщается передовой опыт газет, журналов, издательств и т. д.

Журнал систематически печатает статьи и консультации по истории большевистской печати.

Для повышения квалификации газетных и издательских работников в журнале введен отдел «Учеба и опыт» (лекции, консультации по различным вопросам газетной техники: опыт работы отдельных газет, отделов, газетных работников).

Журнал **«Большевистская печать»** рассчитан на всех газетных работников (центральных, республиканских, областных, районных и многотиражных газет), работников издательств, полиграфистов и бумажников.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес. — 3 р. 50 к. на 3 мес. — 10 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми предприятиями связи (городскими и районными отделами, всеми почтовыми отделениями и агентствами), книжными магазинами Когиза, а также почтальонами, общественными уполномоченными по печати на предприятиях и в учреждениях и уполномоченными издательств политотдельских газет на транспорте. Розничная продажа журнала производится во всех киосках „Союзпечати“

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ВНИМАНИЮ КОМСОМОЛЬЦЕВ, НЕСОЮЗНОЙ МОЛОДЕЖИ, молодой СОВЕТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

●

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1940 год
НА ПОПУЛЯРНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

„МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК“

ВЫХОДИТ 2 РАЗА В МЕСЯЦ
2-й ГОД ИЗДАНИЯ

«МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК» является популярно-теоретическим журналом по вопросам марксизма-ленинизма, рассчитанным на широкие массы комсомольцев и несоюзной молодежи, на молодую советскую интеллигенцию.

«МОЛОДОЙ БОЛЬШЕВИК» помещает статьи и консультации по вопросам марксизма-ленинизма, теории и истории ВКП(б), истории СССР, международной политики и дает ответы и разъяснения по интересующим молодежь теоретическим и политическим вопросам.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА
на 1 мес. — 1 руб.
на 3 мес. — 3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми предприятиями связи (городскими и районными отделами, всеми почтовыми отделениями и агентствами), книжными магазинами Когиза, а также почтальонами, общественными уполномоченными по печати на предприятиях и в учреждениях и уполномоченными издательств политотдельских газет на транспорте. Розничная продажа журнала производится во всех киосках «Союзпечати».

НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР ГЛАВКОНСЕРВ

ВОЗВРАЩАЙТЕ СТЕКЛЯННЫЕ БАНКИ, БУТЫЛКИ и БАЛЛОНЫ

ИЗ-ПОД КОНСЕРВОВ, МАРИНАДОВ, ВАРЕНЬЯ, СОКОВ, СОУСОВ и др. продукции заводов ГЛАВКОНСЕРВА

●

ПОСУДУ ПРИНИМАЮТ

МАГАЗИНЫ и ЛАРЬКИ ГЛАВКОНСЕРВА, ГАСТРОНОМА, БАКАЛЕИ, ПИЩЕТОРГОВ и пр. сеть, ТОРГУЮЩАЯ КОНСЕРВАМИ.

●

ОПЛАТА ПО УСТАНОВЛЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ЦЕНАМ
от 50 коп. до 6 р. 60 к.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОСУДА НЕПОВРЕЖДЕННАЯ и ЧИСТО ВЫМЫТАЯ

Огонек
Цена 3 руб.